

В.Г. ЛАЗАРЕНКО
V.G. LAZARENKO

**ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА АХИЛЛА В КРЫМУ И
НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ**
**SPECIAL ASPECTS OF THE CULT OF ACHILLES IN THE CRIMEA
AND ON THE ASIAN BOSPORUS**

Как известно, о генезисе культа Ахилла в Северном Причерноморье в научном сообществе в течение почти двухсот лет существуют два противоположных мнения: об автохтонном происхождении (или местном влиянии) и милетском (греческом) импорте. Мнение сторонников последнего казалось преобладающим, но лишь благодаря числу публикаций и категоричности выводов, в чём особенно выделялись А.С. Русяева и С.Б. Буйских, заслуги которых в *археологическом* исследовании архаических памятников культа Ахилла в Нижнем Побужье бесспорны и заслуживают безусловного уважения. Но в последние годы удалось в значительной мере поколебать позиции сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье, показать синкретический характер данного культа, со значительным местным влиянием. Общее направление исследований, приведших к таким результатам, на наш взгляд, исчерпывающе сформулировал в своё время И.Ю. Шауб: «Проблема реконструкции религиозных верований населения северо-причерноморских государств крайне осложнена целым рядом обстоятельств, прежде всего разнородностью этого населения, поскольку в его состав входили не только разноплеменные варвары, но и “разноплеменные” греки, выходцы из разных малоазийских полисов, весьма отличавшихся друг от друга своей культурой, в том числе пантеонами... Не нужно стремиться любой ценой доказать наличие в том или ином явлении религиозной жизни греков-колонистов Северного Причерноморья варварских корней или черт, но сравнивая то, что доподлинно известно об этих культах и ритуалах, с тем, что мы знаем о сакральной сфере населения метрополий причерноморских колоний, особое внимание следует обращать не на моменты сходства, а на черты отличия. При попытках объяснить целый ряд фактов несомненного различия пантеонов колоний и пантеонов их метрополий естественно искать причину этого явления прежде всего в воздействии той среды, в которой оказались греки на своей новой родине, т. е. во влиянии мира варваров» [Шауб, 2008, с. 116-117].

Значительный вклад в изучение культа Ахилла в Северном Причерноморье внёс В.П. Яйленко, показавший местные индоевропейские истоки данного культа и уникальность его связи со змеями. В целом этот крупный ученый достаточно глубоко в лингвистическом плане проанализировал связь культа Ахилла со змеями, а важнейшие выводы этого можно свести к следующему: 1) у туземного индоарийского

населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространён культ змей; 2) он был связан с Ахиллом; 3) нигде более в Греции культ Ахилла со змеями никак не связывался [Яйленко, 2013а, с. 64–101; 2013б]. Однако при этом В.П. Яйленко, к сожалению, не привел никаких археологических свидетельств (кроме граффити Бейкуша). Более того, не определив действительные истоки индоевропейского культа змей и его идеологическую сущность, В.П. Яйленко, к сожалению, пришел к банальному, не соответствующему его уровню выдающегося исследователя объяснению, весьма популярному во второй части и у ряда его принципиальных оппонентов – сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье: «Обилие змей породило культ их в Индии, этим же обусловлен культ их в Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье» [Яйленко, 2013б, с. 393]¹.

Независимо от работ В.П. Яйленко, нами был сделан анализ связи образа Ахилла со змеями, основываясь на работах И.Ю. Шауба, который настаивал на «змеиной» сущности Ахилла гораздо раньше В.П. Яйленко и наиболее полно к тому времени обосновал местное влияние на формирование его культа в Северном Причерноморье. Главным выводом его всестороннего изучения свидетельств «варварских» составляющих почитания здесь Ахилла явилось то, что «в своих истоках Ахилл был богом, скорее всего – умирающим и воскрешающим божеством, спутником Великой богини» [Шауб, 2007, с. 182–198]. Но проблема местного влияния на формирование культа Ахилла в Северном Причерноморье рассмотрена нами в более широком аспекте, дополнительно базируясь на данных археологии Северного Причерноморья в энеолите и бронзовом веке, в плане культа змей и связи его появления и распространения с ранними индоевропейскими миграциями. Особое наше внимание было уделено рассмотрению индоевропейских аспектов образа Змея. На наш взгляд, также необходимо было всесторонне и критически рассмотреть интерпретацию А.С. Русяевой и С.Б. Буйских археологических памятников, связанных с Ахиллом, особенно Бейкушского святилища, как и, естественно, провести всесторонний анализ другой точки зрения. При этом важнейшим мы посчитали исследование самого раннего этапа, то есть самого появления культа Ахилла в Северном Причерноморье, поскольку дальнейшее его развитие здесь греками сомнений не вызывает. Во всем этом – главное отличие результатов наших исследований от выводов В.П. Яйленко. Он, совершенно верно отметив отправную точку доказательства местных корней культа Ахилла в Северном Причерноморье (безусловное сходство имени Ахилла и др.-инд. áhi- «змея»), указав² на уникальность связи Ахилла со змеями на Бейкуше по сравнению со всей остальной Грецией и даже говоря об индоевропейских корнях

¹ И это утверждение о причинах «змеиных» особенностей культа Ахилла в Северном Причерноморье, очевидно, не случайно, поскольку В.П. Яйленко дословно повторил тезис об «обилии змей в Индии и Нижнем Побужье» в своей недавней книге [Яйленко, 2017, с. 116].

² Гораздо раньше это сделал И.Ю. Шауб [2002, с. 356–367], подчеркнув связь Ахилла со змеями как одну из важнейших черт, «восходящих к доэллиническому супругу Великой богини – умирающему и воскрешающему вегетативному божеству».

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

культа Ахилла, ограничился лишь античным периодом Северного Причерноморья и не исследовал предыдущие периоды развития культа змей в данном регионе, где сформировалась и начала распадаться индоевропейская общность.

Поэтому для уточнения генезиса культа Ахилла в Северном Причерноморье мы предприняли следующее: 1) исследование распространения и идеологического содержания культа змей в период, предшествовавший колонизации греками данного региона; 2) более глубокий, чем прежде, анализ древних сообщений о связи образа Ахилла с Киммерией и Скифией; 3) демонстрация всего этого в тесной связи с индоевропейской проблематикой. В результате нами было показано прежде всего непрерывное существование культа змей в Северном Причерноморье в IV–I тысячелетиях до н.э. с распространением его в ходе ранних индоевропейских³ миграций (т.е. миграций носителей арийской гаплогруппы R1a1) от Дунайско-Карпатского региона на восток и на юг, что послужило основой формирования здесь ранних индоевропейских представлений об *Áhi*-Змее (Верховном божестве и Первопредке), как возможном прообразе Ахилла [Лазаренко, 2013; 2015а; 2015б; 2016б; 2017в; 2018в]. При этом мы учитывали, что «лингвистически неоспоримым фактом является существование греко-индо-иранской⁴ общности, что заставляет помещать прагреков конца IV – начала III тысячелетия до н.э. вовсе не в Средней Европе, но скорее на западе причерноморских степей» [Гиндин, Цымбурский, 1994, с. 29]. Кроме того, лингвистические исследования показали соседство арийского и греческого языков в Северном Причерноморье к началу II тысячелетия до н.э. [Порциг, 2003, с. 238].

Киммерийцы и ранние скифы, судя по всему, были современниками первых греческих колонистов Северного Причерноморья, где и в античный период, как будет показано ниже, существовал обширный анклав реликтовых ариев. Следует отметить, что наиболее ранние из сохранившихся упоминаний об Ахилле в Северном Причерноморье связаны именно с киммерийцами. Это ряд фрагментов Песни XI гомеровской «Одиссеи» (13–14, 467–469, 485, 491), в сочетании которых Ахилл предстает царем над мертвыми в Киммерии, то есть в Северном Причерноморье. При этом, оценивая данные героического эпоса, следует учитывать, что истоки его формирования относятся к временам индоевропейской общности в Северном

³ Напомним, что сам термин «индоевропейский» является лингвистическим. Индоевропейские же языки на Русской равнине, в Иране и в Индии в древности ассоциируются только с носителями гаплогруппы R1a1. Гаплогруппа же R1b стала «ассоциироваться» с индоевропейскими языками только начиная с I тысячелетия до н.э., причем, возможно, со второй его половины, когда представители R1a1 стали переселять Европу [Клёсов, 2010]. Поэтому важно выделить понятие «ранние индоевропейцы» (и, соответственно, «ранние индоевропейские миграции»), когда речь идет о миграциях IV–II тысячелетий до н.э., а не говорить об «индоевропейцах» и их миграциях вообще, чтобы не вызвать смешение понятий.

⁴ В последние годы работами А.К. Шапошникова и В.П. Яйленко показано, что иранские лексемы в Северном Причерноморье крайне редки, имея при этом позднее происхождение. Таким образом, сегодня речь должна идти о греко-индоарийской общности в Северном Причерноморье.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

Причерноморье [Зайцев А.И., 1994, с. 64–88]. Однако суждениям о киммерийцах в Северном Причерноморье мешает неразрешимая пока археологическая проблема с разделением памятников, относящихся к киммерийцам, от собственно скифских памятников. Как считает А.Ю. Алексеев: «Современное понимание археологических памятников предскифского времени (IX–VIII вв. до н.э.) южнорусских степей не укладывается в рамки сконструированной археологами по историческим данным схемы, согласно которой пришельцам скифам на этой территории предшествовал единственный и коренной этнос – киммерийцы» [Алексеев, 2003, с. 151]. Тем не менее, этот крупный специалист утверждает: «Мы вправе предполагать присутствие киммерийцев на этой территории, но, правда, не в доскифское, а в раннескифское время. Не исключено также, что в будущем представится возможность выделить киммерийские памятники (вероятно, даже в рамках какой-либо локальной культуры) из скифского круга древностей. Пока же дифференцировать эти памятники практически невозможно» [Алексеев, 2003, с. 152]. А.И. Иванчик указывает, что в Восточной Европе археологические памятники киммерийцев неотличимы от раннескифских [Иванчик, 2009, с. 684].

В.П. Яйленко показал высокую степень историчности древних сообщений о киммерийцах, расположенных в Северном Причерноморье [Яйленко, 2011, с. 414–418]. Имена трех киммерийских царей, упомянутых в ассирийских документах VII в. до н.э., имеют индоарийское происхождение, как и сам этноним киммерийцев [Яйленко, 2012, с. 571–573]. Анализируя истоки влияния туземного населения на формирование культа Ахилла в Северном Причерноморье, В.П. Яйленко утверждает: «Киммерийцы и тавры – остаток индоарийского населения, часть которого в VIII–VII вв. до н.э. ушла отсюда через Закавказье на Индостан, другая часть оставалась на месте» [Яйленко, 2011, с. 411]. Но миграции индоариев (ариев) из Северного Причерноморья, в том числе на Индостан, начались самое позднее на рубеже III–II тысячелетий до н.э., более того с конца II тысячелетия до н.э. началось обратное движение реликтовых ариев из Закавказья до Северо-Западного Причерноморья. Таким образом, киммерийцы представляют собой не собственно индоариев, а их потомков – реликтовых ариев, представленных еще многими народами Северного Причерноморья (см. ниже).

В плане решения третьей задачи мы опирались на следующее. Лингвистическая аргументация в работах О.Н. Трубачева, анализировавшего «нескифское в скифском», дала основание понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идёт о местностях, заселённых «старыми ариями», т.е. ариями (индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной массы на юго-восток и восток в III тысячелетии до н.э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время, – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. И как полагает О.Н. Трубачев, «таким реликтовым анклавом могла быть и Старая

о Синдской Скифии – *Scythia Sindica* (Plin. NH IV, 84) близ Днепра, и он был прав... Можно думать, что Геродот сохранил нам драгоценное первое письменное свидетельство о древнем разделении индоиранской ветви на иранцев-скифов⁶ и индоарийцев, скрывающихся под именем Старой Скифии. Добавим, что Старая Скифия Геродота и Синдская Скифия других авторов (напр. *Scythia Sindica* – Plin. NH. IV, 84) территориально совпадают, после чего круг поисков на данной стадии замыкается» [Трубачев, 1999, с. 106, 108]. В.П. Яйленко дополнил эти выводы [Яйленко, 2011, с. 445], проанализировав упоминания Валерия Флакка (Arg. VI, 86) и Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 41) о «низких синдах» – соответственно, при Меотиде и на полуострове близ Ахиллова Дрома, а также Плиния Старшего (NH. IV, 80) о «низких скифах, по происхождению рабах», в другом переводе – «в местах, прилегающих к побережью у Истра... выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты (т.е. «живущие в норах или пещерах»). В этом контексте представляется важным, что Ликофрон (Alex. 190-191) «поселяет» Ахилла в его поисках Ифигении не как обычно в данном случае – на Ахилловом Дроме, а у Истра: «На пенном берегу он будет долго жить, у Кельтра вод болотистых»⁷.

Другой древнейший источник – известный фрагмент Алкея (Fr. 48B): «О Ахиллес, владыка земли скифской», – был до сих пор недостаточно глубоко, на наш взгляд, рассмотрен антиковедами. И.И. Толстой видел в нем лишь подтверждение того, что «уже в начале VI в. до н.э. имя Ахилла неразрывно связано с представлением о далекой северной окраине, у берегов сурового моря» [Толстой, 1918, с. 10]. Х. Хоммель, объясняя, почему вообще лесбосец Алкей был склонен написать гимн Ахиллу, предположил, что эта песнь предназначалась для праздника на могиле Ахилла, на близлежащем малоазийском мысу – Сигее в Троеде, потому что Алкею и его соотечественникам должно было, согласно тексту данного фрагмента, хорошо известно, что герой Ахилл на Сигее, как в то же время и на берегах Понта пользовался также божескими почестями. Относительно Сигея этому есть свидетельство Флавия Филострата (Her. 52, 3 – 54, 1). В итоге Х. Хоммель заключил, что это единственное в своем роде свидетельство позволяет считать, что почитание Ахилла, властвующего в заморских странах, должно было возникнуть уже в конце VII в. до н.э. Он также полагал, что Алкей, указывая на Скифию, имел в виду не варварские причерноморские земли в глубине материка, то есть Алкей обращал свой призыв не к скифскому божеству.

⁶ Повторим, что в последние годы работами А.К. Шапошникова и В.П. Яйленко показано, что иранские лексемы в Северном Причерноморье крайне редки, имея при этом позднее происхождение. Многие скифские реликты имеют индоарийское происхождение. Таким образом, речь должна идти не о «древнем разделении индоиранской ветви» (это случилось значительно восточнее Северного Причерноморья), а о древней (на рубеже III–II тысячелетий до н.э.) миграции ариев из Северного Причерноморья на восток и юго-восток и об их остатках в «Старой Скифии» – реликтовых ариях, современных грекам-колонистам.

⁷ Здесь: «Кельтр – стяженное от “кельтский Истр” (Дунай)», как считает И.А. Суриков, переводчик данного текста.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

Кроме того, данную эпиклезу Ахилла Х. Хоммель однозначно связал с начавшейся несколько поколениями ранее греческой колонизацией «прибрежной Σκυθική, для которой уже тогда культ Ахилла был весьма характерен» [Хоммель, 1981, с. 55-56]. Если понимать это мнение Х. Хоммеля буквально, то он фактически утверждает, что к началу колонизации греками побережья Северного Причерноморья культ Ахилла здесь уже был, хотя считает культ Ахилла в данном регионе – чисто греческого происхождения. В.П. Яйленко сначала полагал, что под Скифией Алкея «разумеется скорее побережье с его многочисленными местами культа героя Ахилла, нежели остров Белый» [Яйленко, 1980, с. 84]. На эти утверждения Х. Хоммеля и В.П. Яйленко о «побережье», тем более с «многочисленными местами культа Ахилла» следует возразить, что во времена жизни Алкея (конец VII – начало VI вв. до н.э.) в Северном Причерноморье, видимо, вообще еще не было многочисленных греческих мест почитания Ахилла, поскольку самые ранние граффити, свидетельствующие о культе Ахилла, найдены только на Березани в слоях конца VII в. до н.э.⁸ и на Бейкуше – в слоях первой четверти–середины VI в. до н.э. [Буйских, 2001, с. 34-35; Буйских, 2012, с. 53-55].

Гораздо позднее В.П. Яйленко уточнил свою позицию, прежде всего напомнив, что в дошедшем до нас оригинале текст Алкея выглядит так: Ἀχιλλεύς ὅς τᾱς Σκυθικάς μέδεις – «Ахилл, ты, который властвует над скифской землей» [Латышев, 1890, с. 195] и только усилиями издателей превратился во всем знакомое Ἀχιλλεύς ὁ τᾱς Σκυθικάς μέδεις – «Ахилл, владыка Скифии» [Яйленко, 2013а, с. 71]. Б. Браво заключил, что под Скифией здесь подразумевается Ахиллов Дром и прибрежная полоса Нижнего Побужья – Нижнего Поднепровья с Тендровской и Джагарлычской косами [Bravo, 1974, р. 136-137]. Д.А. Мачинский и В.Т. Мусбахова [2009, с. 342-348] на основе сопоставления гомеровского эпизода об Ахилле «в земле киммерийской» с фрагментом Алкея и рассуждений о локализации Аида в Киммерии сделали вывод, что культ Ахилла зародился в Нижнем Побужье не позже, чем на Левке, и он развивался тут даже со второй половины VIII в. до н.э. Базируясь на обеих этих работах, В.П. Яйленко пришел к достаточно радикальной мысли, что, поскольку в это время греков еще в данном регионе не было, а культ Ахилла был, следовательно, он местный [Яйленко, 2013а, с. 71-74]. Уточним, что местным был, конечно, не сам культ Ахилла, а культ Άχι-Змея, что установлено нашими исследованиями. Поэтому речь должна идти о местных и греческих представлениях об Ахилле, слившихся в начале колонизации [Шауб, 2007, с. 197-198]. Нельзя также обойти вниманием сообщение Евстафия Фессалоникийского, который в комментариях к «Землеописанию» Дионисия указывает (Eustath. 306 Müllerus), говоря об Ахилловом Дrome, что в отличие от гомеровского героя был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время её

⁸ Любезное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004–2018 гг.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

преследования, отчего это место и названо Ахилловым. Те, кто это говорит, ссылаются на слова Алкея: “Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей”». Учитывая же всё вышесказанное, представляется допустимым трактовать приведенные выше слова Гомера и Алкея как память о давно прошедших временах, где пра-Ахилл царствовал ещё над ранними индоевропейскими предками киммерийцев и скифов, а не как сведения об исторических киммерийцах и скифах. Склонность понимать сведения античных авторов, в данном случае как безусловный исторический источник, очевидно, и привела к значительным противоречиям в среде археологов и антиковедов.

Нами ранее сделано обоснование возможности формирования образа пра-Ахилла, связанного с культом змей, возможно, легендарного вождя или предка племён гаплогруппы R1a1 – ариев, ещё с периода формирования или распада индоевропейской общности в Северном Причерноморье, то есть в катакомбное время, что получило своё развитие позднее – в «Старой Скифии» [Лазаренко, 2013; 2014]. При сопоставлении рассмотренного фрагмента Алкея и известных скифских генеалогических легенд, тесно связанных со змеями, Ахилл предстаёт не просто «скифом» и даже не только «Владыкой Скифии», но прародителем целого народа «Старой Скифии». Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец» [Латышев, 1904, с. 3], вполне возможно, подтверждает это. В итоге многолетних исследований нами представлено развернутое обоснование синкретичности раннего этапа (конец VII – начало V вв. до н.э.) культа Ахилла в Северном Причерноморье, учитывая оригинальность святилища на Бейкуше в плане безусловного и весомого наличия здесь «варварских» элементов культа, в том числе – уникальной для Греции его связи со змеями, а также с аргументированной критикой сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в данном регионе, с привлечением античных источников, данных археологии и лингвистики [Лазаренко, 2016а, 2016г]. Дальнейшие исследования укрепили и расширили выводы этих работ, главные итоги которых таковы. Следует говорить не о милетском импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье, а о слиянии на раннем этапе почитания первыми греческими колонистами Ахилла не в образе героя Троянской войны, но в образе народного (домашнего) бога – Змея-предка, с культом *Ahi*-Змея местного населения, современного колонистам – реликтовых ариев, поклонявшихся Верховному божеству и Первопредку в образе Змея. Представления об этом же, вероятно, существовали у греков непрерывно со времен греко-арийской общности в Северном Причерноморье, сохранились в ходе миграций (о чем говорит пример Эпира с культом Ахилла Аспета), затем деградировали до представлений о змеях – домашних богах, но проявились более масштабно во время колонизации, когда греки по сути вернулись на землю далеких предков – ранних индоевропейцев и встретились со своими дальними родственниками – реликтовыми ариями. Якобы «внезапное» появление в римское время культа Ахилла Понтарха – «Владыки Чёрного моря» (уже не героя, но бога), так удивившее в своё время западных специалистов, с центром именно на Березани (о чём свидетельствует

соответствие с уже существовавшими легендами о Белом острове и гомеровским Ахиллом, а также с «нормами» Дельфийского оракула, которым явно не отвечал «варварский» Бейкуш;

7) появление в римское время культа Ахилла Понтарха – «Владыки Чёрного моря» и бога нельзя объяснить ничем, кроме огромной значимости прообраза Ахилла в Северном Причерноморье в предыдущие времена, от начала формирования индоевропейской общности.

Но всё это касается в основном Северо-Западного и Северного Причерноморья. Особенности же культа Ахилла в Крыму и на Кубани античного периода исследованы ещё недостаточно. Между тем, совершенно прав И.Ю. Шауб, утверждая, что в связи с вопросом о религиозном влиянии варварского окружения на греков-колонистов исключительный интерес представляет Боспор, где в результате активного взаимодействия греков-переселенцев с местными племенами сложилась оригинальная культура, в которой эллинская основа органически соединилась с целым рядом варварских элементов, причем одной из наиболее своеобразных областей этой греко-варварской культуры была религия [Шауб, 2008, с. 114-115]. Возможно, после V в. до н.э., когда прекратило существование бейкушское святилище Ахилла, его адепты обосновались в Крыму. Но, скорее всего, почитание там Ахилла, точнее – его прообраза, было и ранее. Это находит своё обоснование в том, что у местного населения (реликтовых ариев) издавна существовал культ змей. Так, в каменном ящике № 16 могильника Дружное 2, расположенного в предгорьях Крыма, были обнаружены бронзовые браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок [Колотухин, 1996, с. 30–33, 154, 155, рис. 54, 5 и 8; 55]. Эта находка тем интереснее, что, опираясь на указание А.А. Масленникова о том, что «в синхронных таврской и кизил-кобинской культурах есть погребения VII и даже IX–VIII вв. до н.э.» [Масленников, 1995, с. 61], Г.М. Буров сделал вывод, что «Могильник Дружное 2 близ с. Дружное Симферопольского р-на относится к белозерской культуре» [Буров, 2006, с. 72], хотя другие исследователи относят этот памятник к кизил-кобинской культуре VI–V вв. до н.э. Если же данный могильник всё-таки принадлежит белозерской культуре, то это очень интересно в индоевропейском аспекте. Дело в том, что белозерская культура стала, по всей вероятности, непосредственной наследницей ариев, которые ушли из Северного Причерноморья на рубеже III–II тысячелетий до н.э. не полностью. Кроме того, белозерская культура связывается с киммерийцами. При этом киммерийский период в Северном Причерноморье называют также раннекифским. Связываемая с киммерийцами черногоровская культура сформировалась в степях Северного Причерноморья и Предкавказья на основе поздней срубной культуры и белозерской культуры [Вальчак, 2009, с. 684]. Между тем, в костных остатках нескольких захоронений срубной культуры (с археологическими датировками 3540±325 лет назад и 3740±125 лет назад) в Самарской области была обнаружена гаплогруппа R1a [Allentoftetal., 2015; Mathiesonet al., 2015]. Данные захоронения срубной культуры (середина II тысячелетия до н.э.) с точки зрения ДНК-генеалогии

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

– это «хвост» миграции «классических» ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли на юг, юго-восток и восток [Клёсов, 2016, с. 211]. Анализ типов лепной керамики греческих поселений Нижнего Побужья (в том числе Бейкуша), проведённый К.К. Марченко, позволил выделить в качестве одной из групп сосуда, сходные с керамикой степной зоны Северного Причерноморья – белозерского этапа срубной культуры; по мнению автора, это свидетельствует о пребывании в ольвийской округе позднеархаического периода представителей различных варварских племён, в том числе прямых потомков скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья [Марченко, 1987]. Совершенно не исключена такая же ситуация и в Крыму – тем более что белозерская культура охватывала, кроме территории сегодняшних Одесской, Николаевской, Херсонской областей, также и весь Крым [Древние культуры, карта 5].

Этнической общности тавров, обитавших в горных и предгорных районах Крыма, соответствовала, по мнению большинства исследователей, кизил-кобинская археологическая культура, которая возникла примерно в начале I тысячелетия до н.э., а погибла во II в. до н.э. [Колотухин, 1996, с. 60, 88]. У тавров существовал культ змеи [Бондаренко, 2009, с. 405], о чем могут свидетельствовать не только описанные выше браслеты, но и несколько случаев, когда погребальные каменные ящики, характерные для тавров, были расписаны внутри белыми, черными или красными полосами, треугольниками, ромбами, точками и волнистыми линиями (использовались соответственно мел, сажа и охра); при этом волнистые линии могли изображать змей [Лесков, 1965, с. 76-77]. Значительное количество лепной керамики кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV вв. до н.э. украшено ранним типом гребенчатого орнамента в виде различных геометрических фигур, выполненных гребёнкой-штампом. На некоторых находках, на наш взгляд, можно выделить «змеевидный» орнамент, например, вертикальная тройная волнистая линия (из Ташлы-Баир), встречаются вертикальные зигзаги (бывш. имение Э. Б. Бобовича, курган 1/1) и вертикальные волнистые линии (Григорьевка, погребение 5/9) [Сенаторов, 2011, с. 354-355, 358, рис. 1,5; 2,1; 2,5]. Мы считаем, что важность изучения такой керамики и особенно интерпретации орнаментов на ней обусловлена тем, что её бытование приходится на время существенных изменений в материальной культуре племён кизил-кобинской культуры, связанных с освоением Крыма греческими колонистами и кочевыми скифами. Например, в некоторых скифских погребениях курганов Юго-Западного Крыма – в погребении 6 (конец VI – V вв. до н.э.) кургана 2, 1986 г. (в 2 км к юго-западу от с. Вилино Бахчисарайского района) и в погребении 1 (вторая половина V в. до н.э.) кургана 1 (в 1 км к северо-западу–западу от главного въезда в с. Кольчугино Симферопольского района) обнаружены сосуды кизил-кобинской культуры с гребенчатым орнаментом типа «волчьего зуба» [Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 80-81, 88, рис. 2,12; 9,1], который представляет собой по сути усложненный зигзаг; последний же в орнаменте лепных сосудов, как известно, трактуется как «змеевидный».

Ещё в 1968 году А.М. Лесков утверждал: «Змеи, как известно, сравнительно редко встречаются на предметах торевтики из Северного Причерноморья. Из находок в Причерноморье можно назвать лишь золотой браслет из плетёной проволоки со змеиными головками на концах, найденный в четвёртом Семибратнем кургане» [Лесков, 1968, с. 163]. С тех пор, в итоге раскопок ряда археологических памятников, ситуация радикально изменилась, особенно относительно находок «змеиной» тематики в Крыму. Кратко приведем свод данных об этом. У с. Баштановка (бывшая Апан-Сарча, в Северо-Западном Крыму) сделана случайная находка – золотая гривна с драконьими головками на обоих концах [Петренко, 1978, с. 79, 87, табл. 32, 1, 1a], которая может быть датирована IV в. до н.э.¹⁰ В кургане 1 группы «Три брата» (IV в. до н.э.)¹¹ в Восточном Крыму найдены два трехвитковых браслета (бронзовый и золотой) со стилизованными змеиными головами на обоих концах каждого из них [Петренко, 1978, с. 79, 88, табл. 47, 13, 14]. В женском погребении кургана Куль-Оба (от 400 до 350 г. до н.э.) обнаружена золотая гривна с зооморфными головками на обоих её концах [Петренко, 1978, с. 79, 88, табл. 33, 1], которые можно трактовать как драконоподобные. Как считал М.И. Артамонов, погребения в Семибратних курганах (в низовьях Кубани), по-видимому, представляют династию туземных племенных царей, сильно эллинизированных, но сохранивших тесную связь со своей этнической средой. В склепе самого большого из них, который может быть датирован рубежом V–IV вв. до н.э., среди многих богатых артефактов найден большой бронзовый сосуд с подставкой на трёх львиных ножках и с двумя ручками в виде львов и змей. В четвёртом кургане в погребении, примерно того же времени или немного древнее, найдены, в частности, пять треугольных золотых пластин, служивших оковками несохранившихся деревянных частей ритонов; на фризе одной из этих пластин имеется изображение дракона (сенмурва). Кроме того, тут был найден плетёный золотой браслет в виде змеи, с головами на каждом из двух концов браслета. У погребенного здесь на груди находилась, кстати, большая бронзовая голова Горгоны [Артамонов, 1966, с. 36-37, табл. 121, 133], как известно, самым тесным образом связанной со змеями.

В огромном таманском кургане Большая Близница, точнее – во втором женском погребении, среди большого числа великолепных находок обнаружены два золотых спиральных (по три оборота каждый) кольца с головками змей на концах [Артамонов, 1966, с. 69, 72]. Украшения из этого кургана датируются 330–300 гг. до н.э. Из курганов Тамани происходят также три артефакта, хранящиеся в Бриллиантовой кладовой Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ) в Санкт-Петербурге: золотой браслет

¹⁰ С могильниками Чаян, Апан-Сарча, Кош-Оба, находящимися примерно в 22 км к северу от Керкинитиды (Евпатория), связан ряд высокохудожественных находок из золота и серебра (IV в. до н.э.), выполненных греческими мастерами и происходящими из «царских» курганов Чаян и Апан-Сарча.

¹¹ «Три брата» – курганный комплекс эллинизированной скифской знати в 20 км к юго-западу от г. Керчи, у села Огоньки.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

в четыре оборота с моделированной поверхностью и с головками змей на обоих концах; серебряное шейное украшение в десять плотно прилегающих слоев (оборотов) с головками змей на обоих концах. Подобное последнему украшение, но из золота и в семь оборотов, также с головками змей на концах, найдено в одном из самых больших курганов Таманского полуострова – Буеровой Могиле, курган Боюр-Гора¹², датируемый II в. до н.э. [Ворошилов и др., 2016, с. 153]. Вот как описывает его И.Е. Забелин, открывший в 1870 г. этот великолепный комплекс, к сожалению, за исключением отдельных вещей не введенный в научный оборот и остающийся не известным широкому кругу исследователей: «Широкое золотое ожерелье в виде свившейся двухголовой змеи. Задняя часть ожерелья раскрывалась на шарнирах и закрывалась при помощи золотой булавки» [Кузнецов и др., 2016, с. 298, 300, 323, рис. 24]. Скорее всего, к этому же кругу находок относятся найденные в Пантикапее и хранящиеся в Золотой кладовой ГЭ два плоских золотых браслета в три оборота с заостренными концами, напоминающими головки змей на концах браслетов. Подобная пара золотых браслетов III–II вв. до н.э. (также с головками змей на обоих концах каждого браслета, но последние – в семь оборотов) из Горгиппии хранится в Бриллиантовой кладовой ГЭ. В Горгиппии же найдены датированные 200–100 гг. до н.э. и хранящиеся в Золотой кладовой ГЭ золотой браслет в четыре оборота со змеиными головками на концах и две золотые гривны, на одном из концов каждой – голова дракона с глазами.

В могильнике Фонтаны (в 5 км к юго-западу от Симферополя) в различных погребениях первого и третьего ярусов катакомбы № 5 были обнаружены одно бронзовое кольцо с одним расклепанным и закругленным концом, два бронзовых кольца с двумя такими концами, а также бронзовый браслет с обоими расклепанными концами [Храпунов, Мульд, 2004, с. 244, 246, рис. 4,8,10; 6,17,18], которые можно трактовать как стилизованные змеиные головки. В южной камере катакомбы № 18 могильника Левадки (приблизительно в 4 км к юго-западу от могильника Фонтаны) обнаружен бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Храпунов, Мульд, 2004, с. 251, рис. 13,44]. И.Н. Храпунов и С.А. Мульд считают, что «исходя из скудного датирующего материала катакомбу № 5 из могильника Фонтаны можно отнести к любому отрезку времени в пределах IV–II вв. до н.э.» и, кроме того, «поскольку источник распространения погребальных сооружений данного типа (катакомб) обнаруживается только один – это культура скифов IV в. до н.э., то и появление на Боспоре катакомб приходится связывать с проникновением на Керченский полуостров дезинтегрированных остатков кочевых орд скифов» [Храпунов, Мульд, 2004, с. 246, 262].

Боспорское общество середины II в. до н. э., как указывает М.И. Максимова, вступило на путь слияния местных и эллинских культурных элементов. Большую роль

¹² Не вызывает сомнения, что Боюр-Гора является частью некрополя столицы Азиатского Боспора [Кузнецов, 2016, с. 323].

в этом процессе взаимного проникновения двух первоначально чуждых друг другу культурных элементов сыграл, как известно, третий элемент – культура новых соседей Боспора – сарматов. Признаки сарматизации в Артюховском кургане на Тамани еще слабы, но они бесспорны, и этот факт особенно ясно показывает, какое место надлежит отвести данному памятнику в ряду таманских курганов. Артюховский курган отражает начальный этап переходного периода в истории Боспора. В нём еще сильны отзвуки высокого расцвета Боспорского царства в III в. до н.э., но наряду с этим прослеживается зарождение новых форм культуры и быта – тех форм, которые стали определяющими для эпохи второго расцвета Боспора в первые века нашей эры [Максимова, 1979, с. 24]. В Артюховском кургане, пожалуй как нигде в курганных памятниках, значительно представлены артефакты с изображением змей. Так, из одиночного женского погребения I происходит «пара змеевидных браслетов», два похожих (в виде свернувшейся змеи) браслета найдены также в гробнице II. Подобные украшения, носившиеся как на руках, так и на ногах, были широко распространены в эту эпоху во всем античном мире, но браслеты из Артюховского кургана М.И. Максимова относит к изделиям местных мастеров: «Вероятно, эти изделия, скорее всего, местные подражания привозным образцам». Основанием такого заключения послужило следующее. Данные браслеты отличаются упрощенными формами и несложной техникой изготовления. Здесь нет характерной для многих подобных украшений гравировки, передающей змеиную чешую, нет моделировки головы, инкрустации глаз и т. д. На первой паре браслетов змеиное тело сделано из простой полоски, вырезанной из плотного золотого листа, на другой – из золотой пластинки с выпуклым ребром. Головы змей не моделированы, их глаза и рты переданы простыми нарезными линиями. Чешуя на браслетах второй пары вовсе не обозначена, а на браслетах первой пары изображена условно при помощи «елочки» на шее и хвосте. На всех четырех браслетах голова и хвост змеи отвернуты в сторону. В гробнице II найден также перстень в виде свернувшейся в спираль змеи, сделанный из узкой ковanej полоски золота, снизу плоской; шея змеи уложена в мелкие кольца наподобие восьмерок, голова приподнята, рот, глаза и поперечные складки на шее переданы гравировкой. Перстни, так же как и браслеты, в форме свернувшейся в кольцо змеи были очень распространены в античном мире начиная с IV в. и кончая первыми веками нашей эры, когда они стали изготавливаться путем литья [Максимова, 1979, с. 17, 37-38, 62, 64, рис. 17 – Арт. 11, 12, 48, 49; 19 – Арт. 57].

Браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок, являются редкими находками в степных скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма [Тельнов, Синика, 2012, р. 70], однако широко представлены в погребениях, относящихся к позднескифской археологической культуре Крыма [Лысенко, 2015, с. 310]. Это видно на примере могильника крымского Неаполя Скифского, столице позднескифского государства (III в. до н.э. – III в. н.э.), в том числе в большом коллективном погребении (около 30 костяков, расположенных в три круга). Так, в грунтовом могильнике восточного склона (на Восточном некрополе) Неаполя обнаружены в могиле № 22 два браслета (один из круглого

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

дрота, другой из плоского) со змеиными головками на обоих концах, в могиле № 16 – браслет из плоского дрота и перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 4 и склепе № 49 – по одному браслету из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 14 – перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могилах № 21, 70 и 71 – по одному круглому дровому браслету со змеиными головками на обоих концах; особо богатым подобными находками оказался склеп № 62, где найдены браслет из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, а также браслет из круглого дрота в семь оборотов и пластинчатый браслет – оба со змеиными головками на обоих концах [Бабенчиков, 1957, с. 127, табл. III,6-8,10; IX,8; Троицкая, 2015, с. 55, 57, рис. 4,4,5; Зайцев Ю.П., 2003, рис. 95,9; 123,15; 138,5; Пуздровский, 2007, рис. 29,IV,3-5; VI,2; рис. 31,9]. В.П. Бабенчиков считает, что всё это вещи местного производства и датирует их II–IV вв. н.э. К особому типу могил относится комплекс погребений в курганной насыпи у поворота дороги, ведущей из Неаполя по восточному склону к Алуштинскому шоссе. Здесь, в женском погребении № 5, был найден браслет из плоского дрота со змеиными головками на обоих концах, а в грунтовом склепе № 16, где были погребены две женщины с младенцами, у одной из них на обеих руках у локтей обнаружены по одному бронзовому браслету со змеиными головками; все они, как и другие находки в данном кургане, датируются I в. н.э. [Бабенчиков, 1957, с. 139, табл. IX,8], а Т.Н. Троицкая отмечает, что этот «тип (браслетов) широко распространен у крымских скифов с конца I в. н.э.» [Троицкая, 2015, с. 55]. Данные артефакты, как и описанные выше, найденные на Восточном некрополе, могут указывать на то, что в первые века нашей эры к скифскому населению, по выражению В.П. Бабенчикова, «примешивается в значительном количестве элемент сарматский» [Бабенчиков, 1957, с. 139]. В контексте же нашего исследования представляется важным, что наиболее ранние культурные остатки, обнаруженные на территории Неаполя Скифского, представляют собой следы поселения кизил-кобинской археологической культуры конца IV – начала III вв. до н.э. [Зайцев Ю.П., 1995, с. 84].

Говоря о поздних скифах в Крыму, О.Д. Дашевская указывает, что со II–I вв. до н.э. появляются бронзовые браслеты с головками животных на концах, а затем вплоть до III вв. н.э. становятся характерными круглопроволочные и пластинчатые браслеты с концами в виде змеиных головок¹³; таким же образом оформлялись иногда и перстни [Дашевская, 1989, с. 136, табл. 55,26,27,35]. В Битакском могильнике¹⁴, расположенном в 0,8 км к северо-востоку от Неаполя Скифского, на противополож-

¹³ О.Д. Дашевская здесь же кратко упоминает, что в качестве шейных украшений изредка использовались бронзовые гривны. Браслеты же были обычными, их носили мужчины, женщины, дети на руках, реже – на ногах.

¹⁴ Битакский могильник находится на территории Симферополя, в развалинах бывшей татарской деревни Битак.

ном, правом склоне долины р. Салгир, в склепе 106 среди диагностирующих находок, по мнению А.Е. Пуздровского, имеется браслет из круглого дрота с головкой змеи на одном из его концов, а в склепе 170 – несколько подобных браслетов; в склепе 105 найдено навершие с гравировкой в виде зигзага (также отнесенное автором раскопок к диагностирующим находкам) [Пуздровский, 2007, рис. 37, I-3, II-2, 5, 6; рис. 36, I-4], что возможно трактовать как символ змеи. В кургане у городища Кермен-Кыр (у пос. Мирное близ Симферополя, в 5,5 км к северо-западу от Неаполя Скифского) в одном из впускных грунтовых склепов найдена гривна с расклепанным концом, весьма напоминающим головку змеи [Пуздровский, 2007, рис. 50, 1]. В ходе раскопок Тавельских курганов (у сегодняшнего с. Краснолесье Симферопольского района) в 1897 г. среди прочих артефактов найдены два позднескифских браслета с головками змей на одном из концов каждого, показанными не только соответствующей формой, но и различной гравировкой; кроме того, одна из найденных здесь же фибул имеет на щитке гравировку в виде извитой линии [Пуздровский, 2007, рис. 45, 8-10, 14, 17], что также может трактоваться как изображение змеи. В могильнике (где преобладают погребения II в. н.э.) близ с. Заветное Бахчисарайского района в Крыму обнаружено значительное число украшений, и среди них несколько перстней из плоского дрота с концами в виде змеиных головок, а также ряд бронзовых браслетов, большинство из которых – 60% (!) составляют имеющие на обоих концах изображения головок змей [Богданова, 1963, с. 101, рис. 4, 3]. На Заветнинском могильнике также найдены глиняные и алебастровые прясла, некоторые из которых украшены прочерченными рисунками [Богданова, 1963, рис. 6, 10], в том числе весьма похожими, на наш взгляд, на маленьких змеек.

Особенно многочисленны находки «змеиной» тематики были сделаны при исследовании позднескифского Усть-Альминского некрополя (на юго-западном побережье Крыма, между Херсонесом и Керкинитидой, у современного с. Песчаного Бахчисарайского района). В склепе 390 на III (нижнем) ярусе найдены двух- и трехвитковые браслеты из круглого дрота со стреловидной головкой змеи на одном из концов каждого; «шея» змеи в каждом случае передана значительным количеством поперечных полосок [Пуздровский, 2007, рис. 59, 1, 4]. В подбойной могиле 580 этого же некрополя обнаружено два подобных браслета, но с головками змей на каждом из их концов; отличается также гравировка «шеи» змеи на одном из них [Пуздровский, 2007, рис. 69, 7, 8]. Кроме того, на данном некрополе найдены золотые гривна с обоими расклепанными концами, браслет с одним расклепанным концом (напоминающим головку змеи), четырехвитковое кольцо с отогнутой головкой змеи на одном из концов, а также серебряный браслет из круглого дрота с головками змеи на обоих концах [Пуздровский, 2007, рис. 111, 2, 8, 9, 11]. Дальнейшие исследования этого некрополя принесли еще более впечатляющие результаты. Так, в могиле 1069 склепа центральной части некрополя найдена бронзовая фибула с узкой пластинчатой спинкой, украшенной проволочной обмоткой в виде наложенной «змейки», с четырехвитковой пружиной и нижней тетивой; такие

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

фибулы датируются второй половиной II – III вв. н.э. Там же обнаружены фрагментированные бронзовые браслеты, которые по ромбовидной форме расплющенных окончаний¹⁵ могут быть сопоставлены с изделиями II – первой половины III вв. н.э. [Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 213, рис. 15,1,4,5]. В склепе 973 обнаружены два бронзовых браслета со змеиными головками на обоих концах каждого из них. В погребениях 2 и 3 склепа 974, а также в могиле 1045 – по бронзовому браслету с одной змеиной головкой; в погребении 6, как и в склепах 1002 и 1010, – по два таких браслета. В могиле 985 обнаружен бронзовый браслет с двумя змеиными головками, а в подбое 2 могилы 995 – две серебряные серьги с одной стилизованной головкой змеи у каждой. В склепе 1040 и в могиле 1069 найдены фрагменты бронзовых браслетов со змеиными головками [Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 11,16,18; 16,12; 17,2; 18,2,4; 39,13; 56,3,4; 68,5,6; 85,5,6; 138,2,3; 143,11; 181,5,6].

В грунтовом могильнике на косе Беляус на западном берегу Крыма, между Калос Лимен и Керкинитидой (у с. Знаменское в Черноморском районе), в могиле 12 найден трехвитковый бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Дашевская, 1991, табл. 71,14], а также браслет с орнаментацией, похожей на условное обозначение тела змеи (ромбы со многими точками внутри них), – в склепе 114 (катакомба II–I вв. до н.э.) [Пуздровский, 2007, рис. 12,II-6]. При раскопках помещения I в. до н.э. греко-скифского городища (конец II – начало I вв. до н.э.) на западной окраине г. Саки в Северо-Западном Крыму найден бронзовый браслет с концами, оформленными в виде стилизованных змеиных головок [Внуков, 2007, с. 54, 57]. В подъемном материале некрополя Лучистое 2 (Южный Крым) присутствуют фрагменты бронзовых браслетов со змеиными орнаментированными головками и один целый браслет с неорнаментированными змеиными головками на обоих концах, а в могиле № 1 (наиболее вероятно, рубежа I–II вв. н.э.) данного некрополя найдены бронзовые браслеты со змеиными орнаментированными головками на расплющенных концах [Лысенко и др., 2015, с. 310; рис. 3,17,18,20; 17,1,2]; кроме того, в этой же могиле найдены фибулы со схематическим изображением змеек на их щитках [Лысенко и др., 2015, с. 306, рис. 13,15,16,19]. На Чернореченском могильнике II–IV вв. н. э. (в восточной части г. Севастополя, на левом берегу р. Черной – восточный склон II Федюхиной высоты) обнаружены серебряное кольцо и бронзовый браслет со змеиными головками на каждом из концов обоих предметов, а также бронзовое кольцо с гравированной на нем змейкой [Дашевская, 1991, табл. 67,26,38; 71,15]. Среди инвентаря погребального обряда при раскопках могильника городища Куру Баш раннего периода

¹⁵ Авторы почему-то не связали их со змеями, но в самой широкой части каждого из расплющенных окончаний отчетливо видны два глаза, а при переходе от головы змеи к шее – изображение дерева. Это, безусловно, говорит не только о том, что изображены змеи, но и включает в композицию образ Мирowego дерева, что делает такое изделие еще более знаковым, поскольку тесная связь змея с Мировым деревом отчетливо зафиксирована в индоевропейской традиции.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

позднескифской культуры (II – середина I вв. до н.э.), которое находится на холме рядом с селом Виноградное Феодосийской административной зоны, отмечены бронзовые браслеты, концы которых оформлены в виде стилизованных змеиных головок [Гаврилов, Труфанов, 2012, с. 33].

В одном из Тавельских курганов (это самые южные курганы с групповыми погребениями, примыкающие к горным районам) у с. Краснолесье Симферопольского р-на среди найденных бронзовых проволочных браслетов выделяется браслет (конца I в. н.э.) с расплюснутыми концами, выполненными в виде стилизованных змеиных голов [Троицкая, 2015, с. 55, 58]. Наиболее ранним из групповых является погребение в кургане № 2 на бывшей земле Черкеса под г. Симферополем, где в гробнице было погребено 173 человека разного возраста и пола; обращают на себя внимание обнаруженные здесь обломки лепного сосуда с налепным, расположенным под венцом, орнаментированным насечкой валиком [Троицкая, 2015, с. 54-55, рис. 2, 1], который вполне можно расценивать как «змеевидный». Т.Н. Троицкая подчеркивает, что «традиции коллективных захоронений получили своё дальнейшее развитие у коренных жителей Крыма – горных тавров... скифские курганы этого типа расположены в предгорной части Крыма, в непосредственном соседстве с областью горных тавров, в другом же районе оседания скифов – на западном побережье Крыма – подобные захоронения неизвестны... Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных костяков в скифских могилах... В горном Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III–IV вв. н.э. ... Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в последние века до н.э. – первые века н.э.» [Троицкая, 2015, с. 60-61]. Всё это представляется весьма важным, поскольку тавры причисляются, как было показано выше, к реликтовым ариям, а обычай скорченного захоронения связан с носителями арийской гаплогруппы R1a ещё со времен культуры шнуровой керамики [Naaketal., 2008], то есть с окончанием формирования и началом распада индоевропейской общности. О вполне вероятной родственности скифов с древним арийским населением Северного Причерноморья говорит также находка гаплогруппы R1a в ископаемой скифской ДНК (датировка 2305 ± 90 лет назад), сделанная в волжских степях Самарской области [Naaketal., 2015].

Ю.П. Калашник описывает два золотых браслета: один из них – с головками змей на концах (середина V в. до н.э., Таманский полуостров, IV Семибратний курган, раскопки В.Г. Тезингаузена в 1876 г.), другой – в виде свернувшейся змеи (III в. до н.э., Таманский полуостров, Васюринская гора, 1-й Средний курган, случайная находка в 1870 г.). И совершенно справедливо указывает, что изображение змеи во все времена считалось действенным амулетом и в Афинах такими амулетами охраняли детей, ссылаясь при этом на трагедию «Ион» Еврипида [Калашник, 2014, с. 62, 242]. Ссылка более чем справедлива, поскольку в данной трагедии говорится,

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

в частности (Eur. Ion. 9–28, 1410–1421, 1427–1432), что Афина для защиты рожденного ею Эрихтония¹⁶ «Двух змей еще приставила к ребенку; / С тех пор в Афинах золоченых змей / На шею надевают детям». Так же поступила и героиня Еврипида царица Креуса, которой «был соблюден и дедовский обычай»: «Из золота литые два дракона. / ... Об Эрихтонии живая память. / Но для чего же служит та краса? / Чтобы ребенку надевать на шею». Так что мы видим явное совпадение представлений греков и «варваров» относительно змеиных оберегов-апоτροпеев. Это нельзя полагать случайным, если помнить о происхождении предков греков, как и реликтовых ариев, из одного региона – Северного Причерноморья.

Артефактов другого типа, кроме браслетов, с изображением змей на памятниках Крыма античного времени обнаружено немного. Но они достаточно выразительны. На фрагменте золотой накладки на колчан V в. до н.э. из погребения в с. Ильичево (Советский район, Крымское Приазовье) имеется изображение змеи, тело которой завернуто в виде двух волют [Piotrovskiy et al., 1986, pl. 70]. При исследовании нижних слоев позднескифского зольника II–I вв. до н.э. на некрополе у пос. Заозерное близ Евпатории найдены терракотовый алтарик и глиняные модели зерна, плодов оливок и выпеченного хлеба [Попова, Егорова, 2009, с. 276–277]. Авторы этой находки совершенно верно интерпретируют её как культовую, но, к сожалению, лишь приводят фото алтарика, не описывая его. Между тем на фото отчетливо виден в средней части тулова алтарика извитый валик, который можно трактовать как змееподобный.

Наличие культа Ахилла в рассматриваемом регионе подтверждается также находками соответствующих граффити. В Херсонесе Таврическом обнаружены граффити АХ и АХI, датируемые IV в. до н.э. [Граффити, 1978, с. 38–39]. С.Ю. Сапрыкин, констатируя, что культ Ахилла был известен в Херсонесе, подчеркивает: «Крайне скупо представлены сведения о почитании Ахилла на хоре Херсонеса: имеется только два граффити АХ, которые предположительно могут быть связаны с этим героем. Одно происходит с усадьбы в районе балки Бермана, другое из Северо-Западного Крыма из района озера Донузлав¹⁷ (Соломоник, 1984, № 40, 431). Культ Ахилла в Херсонесе не был государственным, он был, скорее, частным или отправлялся приезжими иностранцами» [Сапрыкин, 2014, с. 18]. Считаю нужным добавить, что, кроме цитируемых здесь, Э.И. Соломоник приводит еще три граффито из Керкинитиды и её округи [Соломоник, 1984, № 137, 137, 241, табл. XI, XXIV], которые прочерчены так же небрежно, как эти № 40, 431, и могут с такой же вероятностью читаться как АХ. Граффито между ручками на фрагментах шейки чернолакового кубка – посвящение Ахиллу обнаружено в горизонте конца II – начала I вв. до н.э. городища Кара-Тобе на западной окраине г. Саки [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 112–114].

¹⁶ Эрихтоний – легендарный царь, имевший, по преданию, змеевидные нижние конечности. Тесная связь самой богини Афины со змеями общеизвестна.

¹⁷ Относится к Тарханкутской группе озёр, располагаясь примерно в 57 км к северо-западу от Керкинитиды (Евпатории).

При раскопках Феодосии, кстати, «киммерийского города», как указывает Помпоний Мела (Сог. II, 3), найдены граффити и дипинти А, АХ и АХI, датированные V–IV вв. до н.э. [Емец, Петерс, 1993]. Почитание Ахилла в Мирмекии подтверждается находками посвященных ему граффити в виде АХ и АХI [Емец, 2005, табл. LIII, 4; СХ, 4-5]. Н.И. Винокуров считает необычными найденные в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан «глубоко прочерченные на стенке амфоры граффити из нескольких букв или монограмм – АХ вместе с граффити на основе четко прочерченной буквы А» и допускает их связь с Ахиллом [Винокуров, 2007, с. 196-197, рис. 2]. При рассмотрении двух граффити на краснолаковой посуде из могилы 157 позднескифского (конец I – начало II вв. н.э.) могильника Битак в Крыму (на территории современного Симферополя) в одном случае можно видеть длинный зигзаг, а в другом – среди нагромождения непонятных знаков достаточно четко выделяются буквы АХ [Пуздровский, 2011, с. 374, 379, рис. 1,22; 1,22a]. И хотя автор этих находок не связывает их ни с Ахиллом, ни со змеей, мы не видим аргументов против сходства данных граффити с соответствующими граффити Бейкуша [Русяева, 1971]. Подобные находки сделаны и по другую сторону Керченского пролива – на Тамани. И.И. Толстой приводит граффито АХ, найденное здесь, к сожалению, без уточнения локализации [Толстой, 1953, с. 146]. Имеется граффито с такой же аббревиатурой из Гермонассы [Емец, 2005, табл. XI, 5].

Но наибольшее количество граффити, так или иначе связанных с Ахиллом, происходит из другого знакового места, расположенного несколько севернее, где Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Сегодня его идентифицируют с поселением Батарейка I у южного основания косы Чушка в районе Динского залива [Зубарев, 2005, с. 339], где найдено граффито на внешней стороне стенки буролаковой чашки I в. н.э. – рисунок в виде «лесенки» и аббревиатура АХ [Емец, 2005, с. 133]. Однако святилище Ахилла могло быть расположено на соседнем поселении Каменная Батарейка, где внутри помещения I в. до н.э. – I в. н.э. обнаружен комплекс граффити: на внутренней стороне дна краснолаковой миски – аббревиатура АХ, рядом с которой процарапан магический знак в виде сетки и еще один магический знак в виде неправильного пятиугольника, перечеркнутого косым крестом, аналогии которому неоднократно встречались на Боспоре; на внешней стороне дна тарелки прочерчен солярный знак в виде перевернутой свастики. Из этого же помещения происходит фрагмент коричнево-глиняной амфоры южнопонтийского производства, на котором процарапаны змеи в виде волнистых линий, соединенных общей чертой. Рядом со зданием обнаружен квадратный алтарь 1,20 x 1,20 м, ориентированный строго по сторонам света. Известняковые плиты его площадки имели розоватый оттенок, образовавшийся, возможно, в результате действия огня при сжигании жертв [Емец, 2005, с. 132-133]. На еще одном соседнем поселении, Батарейка II, найдены следующие граффити, свидетельствующие об отправлении культа Ахилла: аббревиатура АХ с изображением перевернутого дерева справа, а также с отдельным изображением перевернутого

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

дерева и с отдельным изображением змеи в виде волнистой линии [Емец, 2005, табл. XLVII, 6; XCIV, 2; XLVII, 5]. Кроме того, И.А. Емец отмечает, что на поселении Батарейка II неоднократно встречались знаки в виде зигзага [Емец, 2005, с. 146], что, как известно, символизирует змей.

Подавляющее число граффити Крыма и Тамани, относящихся к Ахиллу, аналогичны по своей краткости большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше [Русяева, 1971], Березани¹⁸ и Большой Черноморке II [Отрешко, 1977] и, возможно, являются подношениями не Ахиллу-герою, но Аhi-Змею реликтовых ариев Таврии и Тамани, где греки находились буквально в окружении индоевропейских племен, соответственно – тавров и синдо-меотов, а многие поселения имели смешанный греко-варварский характер.

Более того, как указывает Т.Н. Смекалова: «Особенностью нового антропогенного культурного ландшафта было то, что греческие усадьбы в Северо-Западном Крыму соседствовали с многочисленными поселениями местных земледельческих племен. Эти поселения до недавнего времени не были известны науке, что привело к ошибочному мнению, продолжавшемуся длительное время, о том, что греки-херсонеситы прибыли на пустующие земли¹⁹, где лишь время от времени кочевали скифы» [Смекалова, 2017, с. 261]. Разведки и раскопки 2007–2017 гг. показали, что в глубинных частях Таврики существовало более ста «варварских» поселений, синхронных греческим [Смекалова, Кутайсов, 2017, с. 135–221]. На наш взгляд, изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы на приведенных выше граффити Тамани находят явные аналогии с граффити Бейкуша [Русяева, 1971; Буйских, 1991, с. 12; 2002], хотя их разделяет как минимум пять веков, а свастика является, как известно, древнейшим индоевропейским символом. Всё это, видимо, указывает на стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. Об этом же может говорить и то, что, например, Присциан (Perieg. 297–299) располагал Ахиллов Дром «вблизи устья Меотиды» [Латышев, 1906, с. 437], то есть Керченского пролива. Нами ранее обосновано предположение о том, что сами множественные²⁰ и весьма протяженные Ахилловы Дромы даже без каких-либо культовых сооружений на них были объектами почитания – отражением реликтовой

¹⁸ Любезное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004–2018 гг.

¹⁹ Это напоминает известное мнение об отсутствии местного населения Северного Причерноморья (в частности, в Нижних Побужье и Поднепровье) в начале колонизации его греками, до сих пор отстаиваемое рядом украинских антиковедов, несмотря на то, что многими работами последних лет показано обратное. Так, например, И.В. Бруяко продемонстрировал глубокое проникновение здесь (вплоть до Днестра) фракийцев, современных ранним грекам-колонистам. Этот момент крайне важен относительно генезиса культа Ахилла в Северном Причерноморье, поскольку сторонники его милетского импорта в этот регион используют тезис о безлюдности колонизируемой территории для отрицания любого местного влияния на формирование данного культа.

²⁰ Приводя локализацию Ахиллова Дрома в области Керченского пролива, напомним, что Ликофрон (Alex. 190-191) «поселяет» Ахилла в его поисках Ифигении совершенно в противоположной стороне

Боспорские исследования, вып. XXXIX

памяти о прото-Ахилле – Áhi-Змее, Верховном боге ранних индоевропейцев, обладая его главными характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью [Лазаренко, 2018а, с. 274–300; 2018г]. Очень важен в связи с этим эпитет Ахилла в Эпире – Аспет, поскольку Ἄσπετος означает «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле – несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233]. Характерно также, что в большинстве античных сообщений подчеркивается, что Ахиллов Дром населен таврами.

С учетом всего вышеизложенного недостаточно глубокими могут оказаться следующие заключения Е.А. Акимовой, хотя ряд их положений обоснован: «Кульст Ахилла был популярен не только у эллинов, но и среди современного им местного варварского населения. Об этом свидетельствуют памятники торевтики, происходящие из скифских курганов. Это накладки на ножны скифских мечей и гориты. Все эти предметы, выполненные из золота, найдены в скифских царских курганах и датируются 340–320 гг. до н.э. ... Причиной появления на скифских накладках образа Ахилла могли быть определенные ассоциации, соотносившие его с местным богом со схожими функциями. У скифов им мог быть бог Тагимасад, почитаемый царями в качестве родоначальника (Herod. IV, 59), отождествление Ахилла с которым полагал существовавшим М.Ф. Болтенко²¹. Для Ахилла и Тагимасада были общими такие черты, как хтонизм, связь с водной стихией, с женским божеством <...> Однако неверным было бы считать, что степные кочевники полностью отождествляли Ахилла с Тагимасадом или с другим схожим божеством. Вероятно, любые подобные ассоциации могли иметь место только в среде городского варварского населения, контактировавшего с эллинами. Возможно, ещё одно объяснение популярности оружия с изображением Ахилла у скифских вождей. Изображение Ахилла на горитах могло иметь магический характер: пластинами со сценами из жизни Ахилла, непревзойденного воина, погибшего от роковой стрелы, покрывались гориты, предназначенные для хранения лука и стрел. Стрелы, взятые из этих горитов, несли смерть и таким непобедимым героям, каким являлся Ахилл. Этот мотив мог быть близок скифам, которые были известны в античном мире как первоклассные стрелки. Наличие сюжета, связанного с Ахиллом, на вещах, изготовленных специально для скифской аристократии, можно объяснить и тем, что в это время культ героя в Северном Причерноморье переживает расцвет²²» [Акимова, 2013, с. 606, 611–613]. На наш

– у Истра (Дуная), хотя большинство античных источников локализуют Ахиллов Дром на теперешней Тендровской косе, примерно посредине этих крайних локализаций.

²¹ Имеется в виду фрагмент статьи Болтенко М.Ф. Herodoteana // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса, 1962. С. 19.

²² Это мнение впервые высказал И.Ю. Шауб (Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Часть 1. СПб., 2002. С. 187, 189). Однако Е.А. Акимова, делая соответствующую ссылку, опустила в ней весьма существенное продолжение данных слов И.Ю. Шауба: «Расцвет этого культа, вероятно, был во многом обусловлен тем, что архаический Ахилл греков-колонистов встретился здесь с местным божеством, имевшим схожие черты».

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

взгляд, заметно ближе к пониманию истоков почитания Ахилла местным населением был В.Д. Блаватский, который, говоря об Ахилле Понтархе, утверждал: «Трудно допустить, чтобы во времена существования эллинских городов на Северном Понте это местное божество почиталось одними греками. Нужно думать, что его культ был распространен и среди прибрежных варваров, во всяком случае, каллипидов в устьях Днепра и синдо-меотов на Таманском полуострове. Впрочем, не исключена возможность, что в более поздние времена (в IV в. до н.э.) этот культ проник и к царским скифам», но и он в связи с этим указал лишь: «Можно отметить сближение представлений и вкусов верхов скифского общества с эллинской художественной культурой. Доказательством тому служат четыре великолепных горита (Чертомлыцкий, Ильинецкий, Мелитопольский и Елисаветовский) с золотыми облицовочными пластинками, украшенными рельефными сценами из жизни Ахилла» [Блаватский, 1964, с. 19, 29-30]. Отметим, что среди курганов с подобными находками и курган Чаян в 25 км к северо-западу от Евпатории. Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре давно отметил И.Ю. Шауб [1998; 2008].

Так называемый Мирмекийский саркофаг, датируемый II в. н.э., по смыслу имеющихся на нём изображений представляет тот же круг памятников, что и рассмотренные выше гориты. Сходство данных изображений – в их сюжетах о пребывании Ахилла на острове Скирос, где мать Фетида пыталась укрыть своего сына от грядущей гибели в Трое. Ключевой здесь является сцена «узнавания» Ахилла Одиссеем и его спутниками, что справедливо трактуется как символ «возвращения к нормальной, героической жизни (что) может свидетельствовать лишь об одном – возрождении... главный рельеф (Мирмекийского саркофага) должен символизировать фундаментальную идею возрождения после смерти» [Бутягин, Виноградов, 2016, с. 14–26]. Поразительно, но большинство сюжетов на данных саркофагах и горитах (где они вообще идентичны) очень похожи, хотя их создание разделено пятью веками. Это может говорить только об одном – об устойчивости сакрального смысла образа Ахилла. На наш взгляд, это, как и показанное выше сходство граффити Бейкуша и Тамани, также разделенных пятью веками, указывает на стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. Это может объяснять и сам факт погребения в рассмотренном саркофаге боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора (154/155 – 170/171 гг. н.э.) не в столичном Пантикапее, а в местности, расположенной напротив него и разделенной Керченской бухтой, – на теперешнем Карантинном мысе северной части данной бухты, то есть в Мирмекии [Бутягин, Виноградов, 2016, с. 44–46].

Для этого следует отдельно рассмотреть феномен населенного пункта Мирмекий. Примечательно, что нигде в Греции (в том числе и в Фессалии, откуда «производит» мирмидонян большинство авторов), кроме восточной части Крымского полуострова, не было населенных пунктов с подобным названием – по крайней мере, у Павсания в «Описании Эллады» данных о таких городах или поселках нет. Относительно же крымского Мирмекия имеется достаточное число античных сведений: Страбон (VII,

Боспорские исследования, вып. XXXIX

4, 5; XI, 2, 6), Помпоний Мела (Chor. II, 3) и Плиний Старший (NH. IV, 87) безапелляционно говорят о городе или городке Мирмекий, локализуя его в одном и том же месте – в районе современной Керчи. О населенном пункте Мирмекий в Крыму сообщают также Псевдо-Скилак (68), Элий Геродиан (XIII, 373, 26), Псевдо-Арриан (PPE, 76), Стефан Византийский, а о мысе Мирмекий – Птолемей (III, 6, 3). Помпоний Мела (Chor. II, 3) пишет: «Киммерийские города Мурмекион, Пантикапеон, Феодосия», а Плиний Старший (NH. IV, 87) упоминает о городе Киммерии на противоположном берегу пролива; киммерийский контекст здесь представляется весьма важным в плане тесной связи Киммерии и образа Ахилла (см. выше). Нельзя пренебречь также тем, что Лев Диакон напоминает (Hist. IX, 6): «Ведь Арриан пишет в своем “Перипле”, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера».

Сегодня существование Мирмекия подтверждено многолетними археологическими исследованиями, локализовавшими его на Карантинном мысу северной части Керченской бухты, а почитание Ахилла в Мирмекии – найденными здесь граффити в виде AX и AXI [Емец, 2005, табл. LIII, 4 и CX, 4-5]. Еще раз подчеркнем, что подобные граффити аналогичны по своей краткости большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше, Березани и Большой Черноморке II и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу-герою, но AXI-Змею реликтовых ариев Таврии, где культ змей, как показано выше, был достаточно представителен, по крайней мере от кизил-кобинской культуры до римского времени. Кроме того, само название Мирмекий, безусловно, происходит от $\mu\acute{\rho}\rho\mu\eta\zeta$ «муравей». И здесь очень важно, что в индоевропеистике зафиксирован семантический переход понятий «змея (червь) – муравей» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 527]. Это позволяет с достаточной степенью вероятности считать едиными основы представлений древних об Ахилле-Змее и Ахилле – предводителе мирмидонян, «муравьиных людей»; связь последних с названием Мирмекия совершенно верно утверждает И.Ю. Шауб [2002, с. 186–189]. Характерно, что муравьи, как и другие насекомые, не играли почти никакой роли в официальном греческом религиозном ритуале, но они представлялись в народной религии «одной из самых частых обителей душ усопших» [Кагаров, 2012, 303-304]. Однако Климент Александрийский сообщает (Prot. II, 39, 6), что фессалийцы в древности поклонялись муравьям, так как верили, что Зевс, обернувшись муравьем, сочетался браком с Эвримедузой и произвел на свет Мирмидона – первопредка мирмидонян, и это может быть отражением очень раннего предания. Поклонение же муравьям представляется не чем иным, как поклонением далеким предкам – «перволюдям», а имеющиеся античные данные о мирмидонянах, вполне вероятно, говорят об истоках образа Ахилла как Первопредка ранних индоевропейцев. Погребение же боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора в Мирмекии в саркофаге с изображениями, символизирующими возрождение после смерти, может быть объяснено тем, что Ахилл, как известно, сам не был царем при жизни, но он был «царем над мёртвыми» в Киммерии, а в своих истоках – вечно умирающим и воскрешающим паредром Великой богини.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

Таким образом, Ахилл, очевидно, представлял собой в варварской среде образ вечно живого Первопредка, если не Верховного бога.

Ранее мы высказали предположение о возможности скрытого почитания Ахилла на Боспоре [Лазаренко, 2013, с. 61; 2014, с. 252-253], основываясь на том, что на протяжении практически всего V в. до н.э. в Пантикапее было осуществлено 13 (!) выпусков (пять из них – в храме Аполлона) монет самых мелких серебряных номиналов – тетартемориев с изображением муравья [Анохин, 1986, с. 136–138, табл. 1, 6, 10, 13, 18, 22, 25, 28, 32, 35, 38, 41, 50, 56], а в Феодосии – один подобный выпуск [Анохин, 1986, с. 139, табл. 2, 66]. При этом мы акцентировали внимание в отношении храмовых выпусков на том, что муравей никоим образом не может являться символом Аполлона, он может быть только символом Ахилла – предводителя мирмидонян. Позже мы развили эту аргументацию, продемонстрировав попутно крайнюю редкость монетных выпусков, связанных с Ахиллом, в остальной Греции, их отсутствие в Ольвийском полисе, где культ Ахилла был наиболее развит [Лазаренко, 2016в, с. 20; 2018а, с. 318-319, 322-323], а также исследовав феномен мирмидонян и показав, что само его происхождение достаточно тесно связано с древнейшим Крымом [Лазаренко, 2017а; 2018а, с. 308–313; 2018б]. Результаты данных исследований делают весьма вероятной принадлежность боспорских тетартемориев с изображением муравья к глубоко табуированному в плане имени культу Ахилла. Эта наша гипотеза нашла поддержку специалистов [Терещенко, Шауб, 2018а, с. 140], которые полагают: «При современном состоянии наших знаний наиболее адекватной представляется гипотеза о связи образа муравья с хтоническим культом Ахилла, существовавшим на Боспоре [Шауб, 2002, с. 187], и трактовка изображения муравья на монетах как свидетельства “скрытого почитания” Ахилла на Боспоре [Лазаренко, 2013, с. 61; 2014]. Эта “скрытость“, на наш взгляд, хорошо согласуется с немногочисленными, но очень весомыми данными о существовании боспорского культа Ахилла [Шауб, 2002], который (культ) по своему хтоническому характеру (также ярко выраженному на Левке и в материалах других святилищ Ольвийской хоры) должен был иметь мистериальные черты. Мы имеем в виду тот факт, что, хотя на Боспоре существовало поселение с теофорным названием Ахиллей, где находился храм этого героя, который явно почитался здесь (как и в Ольвии) в качестве хтонического божества, все детали данного культа остались неизвестными (поскольку, вероятно, намеренно не предавались огласке). ...муравей в качестве монетной эмблемы не встречается более нигде²³, кроме Пантикапея» [Терещенко, Шауб, 2018б, с. 154-155]. Особый интерес представляют выводы этих уважаемых исследователей о значении изображений муравья и головы льва в разных сериях пантикапейских монетных выпусков V в. до н.э., в т.ч. тетартемориев. Взяв за основу то, что Ахилл «в своих истоках является типичным для религий восточного Средиземноморья и Ближнего Востока умирающим и воскресающим божеством –

²³ Имеется в виду вся Греция.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

спутником многоименной Великой богини всего сущего» [Шауб, 2007, с. 190, 197, 366], а «одной из ипостасей Великой богини, выступавшей в качестве паредры Ахилла, была Кибела – Мать богов и повелительница зверей, весьма почитаемая и на Боспоре [Шауб, 2007, с. 351–353; 2011, с. 298-299] и «с учетом того, что лев считался её священным животным [Шауб, 2007, с. 275], они заключили: «Мы с большой долей вероятности можем предполагать, что, изображая львиную голову в фас, пантикапейские монетарии имели в виду именно Кибелу. В этом ракурсе соседство пары “лев – муравей” представляется неслучайным». А далее, соглашаясь с нашим утверждением относительно боспорских тетартемориев, что муравей никоим образом здесь не являлся символом Аполлона, он может быть только символом Ахилла – предводителя мирмидонян, данные исследователи пришли к следующему выводу: «Совершенно естественным будет предположить, что в сериях, где присутствуют тетартемории с муравьем, за львом, вероятно, должно стоять какое-то иное божество... Наиболее подходящим в указанных условиях божеством выступает именно Кибела. Во всяком случае такое объяснение семантического значения связки “лев – муравей” и их длительное существование в качестве аверсных эмблем на монетах Пантикапея представляется наименее противоречивым» [Терещенко, Шауб, 2018б, с. 157–159]. С этим трудно не согласиться, но следует добавить, что образ и культ Великой богини был тесно связан со змеями.

О связи Ахилла с Великой богиней ярко свидетельствует находка фрагментированного граффито на плече родосской амфоры, представляющее собой совместное посвящение Ахиллу Сотеру (Спасителю) и Тарге Сотере (Спасительнице) – местной богине Тарге (Тарке), совершенно неизвестной из античных источников, пока не было исследовано её святилище в урочище Джангуль на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова, где и было найдено данное граффито [Тохтасьев, 2013, с. 194-195, рис. 1,1; Сапрыкин, 2014, с. 18-19]. Это святилище имеет не греческое и не скифское происхождение, будучи связанным с коренным таврским населением, и перестало функционировать около середины – начала третьей четверти II в. до н.э., то есть после присоединения Западной Таврики к Позднескифскому царству; «в основе почитания Тарги лежал культ Верховной женской богини», а Ахилл предстаёт её паредром [Сапрыкин, 2014, с. 23], то есть паредром Великой богини, напомним, тесно связанной со змеями. Здесь можно видеть определенную аналогию с совместным почитанием Ахилла и Гекаты в Нижнем Побужье. Заметим, что Ахилл упомянут в обсуждаемой надписи первым, что показывает его культовое главенство, хотя это святилище считается не Ахилловым (то есть он здесь персонально не почитался), а святилищем Тарги. Хотя последнее достаточно спорно: Й. Хупе, говоря о двух вотивных граффити с именем Ахилла, найденных здесь, полагает, что «почитание Ахилла в этом святилище свидетельствует о религиозном взаимодействии местного населения и греков на территории Херсонеса», а также что именно в данном святилище Тарги «культ Ахилла испытывал сильное воздействие местных факторов» [Хупе, 2006, S. 238]. Форма написания данного граффито, в частности аттическое

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

окончание датива имени Ἀχιλλεῖ, напоминает граффито-посвящение Ахиллу V в. до н.э. с Березани [Яйленко, 1980, с. 86]. Это представляется не случайным, поскольку данное святилище Тарги – наиболее близкое к Березани и мысу Бейкуш место в Крыму, где найдены граффиты, имеющие отношение к Ахиллу. Кстати, круглые керамические вотивы, найденные здесь [Сапрыкин, 2014, с. 23, рис. 31], аналогичны «кружкам» из святилища Ахилла на Бейкуше. Оба этих обстоятельства в определенной мере показывают преемственность характера поклонения Ахиллу в его самом раннем культовом центре Северного Причерноморья и в Крыму спустя три века после прекращения функционирования святилища на Бейкуше.

Возвращаясь к характеру поклонения Ахиллу на Боспоре, следует отметить, что, возможно, именно самый крайне мелкий размер тетартемориев (кроме них, муравей ведь более нигде не изображался) мог содействовать скрытости почитания Ахилла на Боспоре в конце архаического времени, если вообще не символизировал эту «скрытость», поскольку изображение муравья в данном случае было едва заметно. Кроме того, примечательно, что хотя Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) уверенно располагали святилище (храм) Ахилла в местности, которую сегодня идентифицируют с поселением Батарейка I²⁴ у южного основания косы Чушка в районе Динского залива (на северо-западе Таманского полуострова), никаких сведений о характере отправления культа Ахилла в данном святилище античные источники не приводят. Следует подчеркнуть, что о святилище Ахилла на мысе Бейкуш (напомним, знаковым в плане явной связи образа Ахилла со змеями) античные источники также умалчивают, хотя оно было достаточно большим и действовало не менее века, что подтверждено значительным количеством открытых там культовых объектов. Истоки же данной скрытости мы видим в глубоком табуировании древнейших богов, к которым, как показано нами [Лазаренко, 2018а, с. 154–203], относился и Ахилл, точнее, его прообраз – *Áhi*-Змей ранних индоевропейцев, представления о котором как о Верховном боге и Первопредке сохранились у реликтовых ариев Северного Причерноморья, в том числе, видимо, и у тавров.

В итоге следует констатировать, что культ змей в Северном Причерноморье античного времени был достаточно выражен от Фракии до современной Кубани. Более четко он прослеживается в «варварской» среде – у тавров, скифов и сарматов. Учитывая тесные контакты местного населения с греческими полисами и их хорой, а также традицию культа змей в данном регионе в течение нескольких тысячелетий, трудно отрицать местное идеологическое влияние на греческое население (тем более, имеющее пусть далекое, но общее с реликтовыми ариями раннее индоевропейское прошлое), что и проявилось в особенностях культа Ахилла в Северном Причерноморье. Особенно ярко эти особенности выражены в античном Крыму и на Кубани. В данном регионе культ Ахилла, похоже, имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, что подчеркивает его местные древнейшие корни,

²⁴ Само святилище Ахилла здесь, к сожалению, до сих пор не найдено.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

которые и обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа. Это позволило культу Ахилла в Крыму и на Кубани сохранить свои исконные особенности в течение пяти веков – до I–II вв. н.э. в отличие от известных ритуалов на острове Левке, а также отправлявшегося на острове Березани, в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, где в это время уже сформировался культ Ахилла Понтарха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Е.А.* Ахилл в греко-варварской торовитке Северного Причерноморья // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 606–613.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник. 1966. 120 с., табл.
- Бабенчиков В.П.* Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 94–141.
- Блаватский В.Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII–V вв. до н.э.) // СА. 1964. № 2. С. 13–26.
- Богданова Н.О.* Могильник I ст. до н.э. – III ст. н.э. біля с. Завітне, Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. 15. С. 95–109.
- Болтенко М.Ф.* Herodoteanea // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса: [б.и.], 1962. С. 16–32.
- Бондаренко М.Е.* Изобразительное искусство как важнейший источник для изучения религиозных представлений тавров // БФ: Искусство на периферии античного мира. СПб.: [б.и.], 2009. С. 402–406.
- Буйских С.Б.* Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Викторовича Виноградова. Севастополь: [б.и.], 2001. С. 34–41 (Херсонесский сборник. Вып. XI).
- Буйских С.Б.* Новые эпиграфические находки с Бейкушского поселения // II чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Тезисы докл. конференции Одесса, 1991. С. 11–12.
- Буйских С.Б.* К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2002. С. 21–32.
- Буйских С.Б.* Ольвія та Березань в контексті заснування іонійського колоніального поліса в Нижньому Побужжі // Музейний вісник: науково-теоретичний щорічник. Вип. 12 / Відп. ред. Г. І. Шаповалов. Запоріжжя: Запорізький обласний краєзнавчий музей, 2012. С. 53–63.
- Буров Г.М.* Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. Киев: Стилос, 2006. 528 с.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 48 с.
- Вальчак С.Б.* Киммерийский период // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 684.
- Винокуров Н.И.* Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. 2007. Вып. 1. СПб. С. 190–199.
- Внуков С.Ю.* Новые открытия на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму в 2007 г. // АДУ 2005–2007 р. / Гол. ред. Н.О. Гаврилук. Київ; Запоріжжя: ІА НАН України; Дике Поле, 2007. С. 54–58.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д.* Курган Боюр-Гора (Буерова могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного «Круглого стола» / Отв. ред.-сост. В.Ю. Зуев и В.А. Хршановский. СПб.: [б.и.], 2016. С. 147–164.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

- Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Исследование могильника городища Куру-Баш // АДУв 2011 р. / Гол. ред. Д. Н. Козак. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 33-34.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1409 с.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // ВДИ. 1994. № 4. С. 19–39.
- Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах) / Отв. ред. Э.И. Соломоник. Киев: Наукова думка, 1978. 139 с., табл.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы (III вв. до н.э. – III вв. н.э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 125–146. (Археология СССР).
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с. (САИ. Вып. Д 1–7).
- Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. И.В. Брумяко и Т.Л. Самойлова. Одесса: СМІЛ, 2013. 902 с., табл.
- Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М.: Спутник, 2005. 242 с.
- Емец И.А., Петерс Б.Г. Граффити и дипинти античной Феодосии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1993. Вып. 207. С. 77–83.
- Зайцев А.И. Формирование греческого гексаметра. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1994. 168 с.
- Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма / Отв. ред. Г.Н. Тошев. Запорожье: Запорожский государственный университет, Запорожский областной краеведческий музей, 1995. Вып. V. С. 67–90.
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с., ил.
- Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 503 с.
- Иванчик А.И. Киммерийцы // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 684.
- Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. М.: Либроком, 2012. Репринт 1913 г. 336 с.
- Калашиник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 280 с., ил.
- Клёсов А.А. Гаплогруппа R1b. Часть 2. Гаплогруппа R1b по странам и регионам // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2010. Т. 3. № 3. С. 406–475.
- Клёсов А.А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видят ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 2 // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2016. Т. 9. № 2. С. 187–240.
- Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – в начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.
- Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 79–101.
- Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О. Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4. Вып. 2 / Ред. А.А. Завойкин. М.: Институт археологии РАН. 2016. С. 279–324.
- Лазаренко В.Г. Культ Ахилла как отражение процессов формирования индоевропейской общности в Северном Причерноморье // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Аркасівські читання» (26–27 квітня 2013 р.) / Відп. за вип. В. І. Кокошко. Миколаїв: МНУ ім. В. О. Сухомлинського, 2013. С. 61–64.
- Лазаренко В.Г. Культ Ахилла, «Старая Скифия» Геродота и Боспор // XV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир. Актуальные проблемы хронологии / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 252–257.
- Лазаренко В.Г. Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2015а. С. 30–54.
- Лазаренко В.Г.* Семантика изображений змей и следов человеческих стоп в Северном Причерноморье эпохи бронзы // Материалы Міжнародної наукової конференції «Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи)». Міністерство культури України. Національний історико-археологічний заповідник «Кам'яна могила». Запоріжжя: Дике Поле, 2015б. С. 59–70.
- Лазаренко В.Г.* К дискуссии о происхождении архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Емінак. Науковий шоквартальник / Гол. ред. О. Тригуб. № 1 (13). Т. 2. Київ; Миколаїв, 2016а. С. 7–20.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н.э. // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2016б. С. 37–48.
- Лазаренко В.Г.* Отражение культа Ахилла в нумизматических памятниках // Емінак. Науковий шоквартальник / Гол. ред. О. Тригуб. № 3 (15). Т. 4. Київ; Миколаїв, 2016в. С. 20–24.
- Лазаренко В.Г.* Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VIII / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2016г. С. 13–60.
- Лазаренко В.Г.* Ахилл в Северном Причерноморье и его связь с киммерийцами, скифами и мирмидонцами. Миф или историческая реальность? // Емінак. Науковий шоквартальник / Гол. ред. О. Тригуб. № 3 (19). Т. 3. Київ; Миколаїв, 2017а. С. 5–22.
- Лазаренко В.Г.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. IX / Отв. ред. И.Ю. Шауб. СПб., 2017б. С. 97–152.
- Лазаренко В.Г.* «Софиевский змей» – уникальный памятник Северного Причерноморья // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. II / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2017в. С. 53–61.
- Лазаренко В.Г.* Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018а. 416 с.
- Лазаренко В.Г.* Культ Ахилла на Боспоре и феномен мирмидонян // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть I. СПб., 2018б. С. 318–324.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей и ранние индоевропейские миграции // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. III. Запоріжжя: Дике Поле, 2018в. С. 115–128.
- Лазаренко В.Г.* Феномен Ахиллова Дрома // Боспорские исследования. Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018г. С. 28–55.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. viii + 946 с.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 годов) // Известия Императорской археологической комиссии. 1904. Вып. 10. СПб. С. 1–91.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1906. С. 274–454.
- Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.
- Лесков А.М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. № 1. С. 158–165.
- Лысенко А.В., Мяскин В.В., Мордвинцева В.И.* Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое 2 (Южный Крым) // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 295–333.
- Макимова М.И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с., ил.
- Марченко К.К.* Лепная керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время / С.Д. Крыжицкий (отв. ред.). Киев: Наукова думка, 1987. С. 104–116.
- Масленников А.А.* К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. М.: Институт археологии РАН, 1995. 124 с. (Боспорский сборник № 8).

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

- Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // БФ: Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 319–355.
- Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н.Н. Бондарь. Киев: Вища школа, 1977. С. 40–44.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1978. 145 с., табл. (САИ. Вып. Д 4-5).
- Попова Е.А., Егорова Т.В. Исследования Крымской археологической экспедиции МГУ на городище «Чайка» близ Евпатории и на некрополе у пос. Заозерное в 2007 г. // АДУ 2008 р. Київ: Волинські старожитності, 2009. С. 276–278.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с., ил.
- Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 373–381.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 200–269.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2016. 308 с., ил.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Ленинградский Гублит, 1925. 624 с.
- Русяева А.С. Культіві предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.
- Сапрыкин С.Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма / Под ред. В.А. Кутайсова и Т.Н. Смекаловой. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. С. 7-31 (МАКК. Вып. XIV).
- Сапрыкин С.Ю., Внуков С.Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 98–119.
- Сенаторов С.Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV вв. до н.э. // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 354–362.
- Смекалова Т.Н. Херсонесская колонизация и местное население Северо-Западного Крыма в античную эпоху // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14-15 декабря 2017 года). Симферополь: Ариал, 2017. С. 258–264.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма // Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность / Ред.-сост. Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2017. 448 с., ил. (МАКК. Вып. XVIII).
- Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.
- Тельнов Н., Синика В. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista Arheologică. Serie nouă. 2012. Vol. VIII. Nr. 1-2. Pp. 69–83.
- Терещенко А.Е., Шауб И.Ю. Особенности типологии пантикапейской чеканки // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть I. СПб., 2018а. С. 139–145.
- Терещенко А.Е., Шауб И.Ю. О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. X / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2018б. С. 146–160.
- Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград: 2-я Гос. типография, 1918. 164 с.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. ТРАКАНА // ВДИ. 2013. № 1. С. 193–196.
- Троицкая Т.Н.* Скифские коллективные погребения в курганах Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 54–65.
- Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Хоммель Х.* Ахилл-бог / Пер. с нем. // ВДИ. 1981. № 1. С. 53–76.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. университета. С. 239–269.
- Шапошников А.К.* Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.
- Шауб И.Ю.* Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Часть 1. СПб., 2002. С. 186–189.
- Шауб И.Ю.* Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре // Клио. 1998. № 1 (4). С. 67–74.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 484 с.
- Шауб И.Ю.* О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII – начало III вв. до н. э.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 113–120.
- Шауб И.Ю.* Эллинические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). Saarbrücken; Lambert Academic Publishing. 2011. 475 с.
- Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72–99.
- Яйленко В.П.* Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н.э. в мифологической традиции и ономастике // ДБ / А.А. Масленников (глав. ред.). М.: Институт археологии РАН, 2011. Т. 15. С. 410–453.
- Яйленко В.П.* Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н.э. в мифологической традиции и ономастике (продолжение) // ДБ / А.А. Масленников (глав. ред.). М.: Институт археологии РАН, 2012. Т. 16. С. 548–590.
- Яйленко В.П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–V вв. до н.э. М.: Onebook.ru, 2013a. 348 с.
- Яйленко В.П.* Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н.э. и его индоарийские истоки // ДБ / А. А. Масленников (глав. ред.). М.: Институт археологии РАН, 2013б. Т. 17. С. 377–406.
- Яйленко В.П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. 522. Pp. 167–172.
- Bravo B.* Un letter sur plomb de Berezan': colonisation et modes de contact dans le Pont // Dialogues d'histoire ancienne. V. I. Paris: l'Institut des Sciences Techniques de l'Antiquité de l'Université de Franche-Comté, 1974. Pp. 111–187.
- Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyer et al. C.* Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. 105. Pp. 18226–18231.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. 522. Pp. 207–211.
- Hupe J.* Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kultes // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit / Beiträge zur Akkulturationsforschung / Joachim Hupe (Hrsg.). Rahden / Westf.: Leidorf, 2006. (Internationale Archäologie. Bd. 94). S. 235–241.
- Liddel H.G., Scott R.* Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati: American book company, 1901. Pp. 1776.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*. 2015. 528. Pp. 499–503.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. Pp. 184.

REFERENCES

- Akimova E.A. Akhill v greko-varvarkoi torevtike Severnogo Prichernomor'ia. *Bosporskiĭ fenomen: Greki i varvary na evraziiskom perekrestke*. St. Petersburg, 2013, pp. 606–613.
- Alekseev A.IU. *Xronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vv. do n.ĕ*. St. Petersburg, Ėrmitazh Publ., 2003, 416 p.
- Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha*. Praga: Artiiā, Leningrad, Sovetskiĭ khudozhnik Publ., 1966, 120 p., tabl.
- Babenchikov V.P. Nekropol' Neapoliā Skifskogo. P.N. SHul'ts (Ed.). *Istoriia i arkheologiiā drevnego Kryma*. Kiev, AN USSR Publ., 1957, pp. 94–141.
- Blavatskiĭ V.D. Vozdeĭstvie antichnoi kul'tury na strany Severnogo Prichernomor'ia (v VII–V vv. do n.ĕ). *Sovetskaiā arkheologiiā*, 1964, № 2, pp. 13–26.
- Bogdanova N.O. Mogil'nik I st. do n.ĕ. – III st. n.ĕ. biliĭs. Zavitne, Bakhchisarais'kogo raionu. *Arkheologiiā*. 1963, vol. 15, pp. 95–109.
- Boltenko M.F. Herodoteanea. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*. Vyp. 4, Odessa, 1962, pp. 16–32.
- Bondarenko M. E. Izobrazitel'noe iskusstvo kak vazhneishiĭ istochnik dlia izucheniia religioznykh predstavleniiĭ tavrov. *Bosporskiĭ fenomen: Iskusstvo na periferii antichnogo mira*. St. Petersburg, 2009, pp. 402–406.
- Buiskikh S.B. Issledovanie sviatilishcha Akhilla na Beikushskom mysu (predvaritel'nye itogi). *ANAXAPΣIΣ. Pamiati IUriia Viktorovicha Vinogradova*. Sevastopol', 2001, pp. 34–41 (*Xersonesskiĭ sbornik*. Vyp. XI).
- Buiskikh S.B. Novye ėpigraficheskie nakhodki s Beikushskogo poseleniia. *II chteniia pamiati professora P.O. Karyshkovskogo*. Tezisy dokl. konferentsii. Odessa, 1991, pp. 11–12.
- Buiskikh S.B. K istorii otkrytiia Beikushskogo sviatilishcha. *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia*. Kiev, Institut arkheologii NAN Ukrainy, 2002, pp. 21–32.
- Buis'kikh S.B. Ol'viiā ta Berezan' v konteksti zasnovanniā ioniiiskogo kolonial'nogo polisa v Nizhn'omu Pobuzhzhii. *Shapovalov G. I. (Ed.). Muzeiniĭ visnik: naukovu-teoretichniĭ shchorichnik*. Vip. 12. Zaporizhzhia, Zaporiz'kiĭ oblasniĭ kraeznavchiĭ muzei, 2012, pp. 53–63.
- Burov G.M. *Ėntsiiklopediia krymskikh drevnostei: Arkheologicheskii slovar' Kryma*. Kiev, Stilos Publ., 2006, 528 p.
- Butiagin A.M., Vinogradov IU.A. *Mirmekiiskii sarkofag v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha*. St.Petersburg, Ėrmitazh Publ., 2016, 48 p.
- Val'chak S.B. Kimmeriiskii period. *Bol'shaiā Rossiiskaiā ėntsiiklopediia*. T. 13, Moscow, 2009, p. 684.
- Vinokurov N.I. Nakhodki kul'tovykh predmetov v sloe pozhara pervoi poloviny I v. n.ĕ. v bosporskoĭ kreposti Artezian. *Bosporskiĭ fenomen: Sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok*. 2007, vyp. 1. St.Petersburg, pp. 190–199.
- Vnukov S.IU. Novye otkrytiia na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu v 2007 g. *Gavriliuk N.O. (Ed.). Arkheologichni doslidzhenniā v Ukraini 2005–2007 r.* Kiiv, Zaporizhzhia, IA NAN Ukraini; Dike Pole Publ., 2007, pp. 54–58.
- Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Zhukovskii M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boiur-Gora (Buerova mogila) – usypal'nitsa ėlity stolitsy Aziatskogo Bospora. *Zuev I.U., Xrshanovskii V.A. (Eds.). Ėlita Bospora i Bosporskaia ėlitarnaia kul'tura*. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola. St. Petersburg, 2016, pp. 147–164.
- Gavrilov A.V., Trufanov A.A. Issledovanie mogil'nika gorodishcha Kuru Bash. Kozak D.N. (Ed.). *Arkheologichni doslidzhenniā v Ukraini v 2011 r.* Kiiv, Volins'ki starozhitnosti Publ., 2012, pp. 33–34.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov Viach. Vs. *Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury*. Tbilisi, Tbilisskiĭ universitet, 1984, 1409 p.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Gindin L. A., TSymburskiĭ V. L. Pragreki v Troe (Mezhdistsiĭplinaryĭ aspekt). *Vestnik drevnej istorii*, 1994, Nr. 4, pp. 19–39.
- Solomonik È.I. (Ed.). *Graffiti antichnogo Xersonesa (na chernolakovykh sosudakh)* Kiev, Naukova dumka Publ., 1978, 139 p., tabl.
- Dashevskaiā O.D. Pozdnie skify (III vv. do n.è. – III vv. n.è.). *Meliūkova A.I. (Ed.). Stepi Evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremiā*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 125–146.
- Dashevskaiā O.D. *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.
- Bruĭāko I.V., Samoĭlova T.L. (Eds.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia*. Odessa, SMIL Publ., 2013, 902 p., tabl.
- Emetĭ I. A. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Bospora Kimmeriiskogo: Tipologii i metodika issledovaniia*. Moscow, Sputnik Publ., 2005, 242 p.
- Emetĭ I.A., Peters B.G. *Graffiti i dipinti antichnoi Feodosii. Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*. 1993, 207, pp. 77–83.
- Zaitsev A.I. *Formirovanie grecheskogo gekzametra*. St. Petersburg, St-Peterburgskii universiteta, 1994, 168 p.
- Zaitsev IŮ. P. *Xronologiiā Neapoliā Skifskogo. Toshchev G.N. (Ed.). Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma*. Zaporozh'e, Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet, Zaporozhskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 1995, vyp. V, pp. 67–90.
- Zaitsev IŮ.P. *Neapol' Skifskii (II v. do n.è. – III v. n.è.)*. Simferopol', Universum Publ., 2003, 212 p., ill.
- Zubarev V.G. *Istoricheskaiā geografiā Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii*. Moscow, Iazyki slaviānskoi kul'tury Publ., 2005, 503 p.
- Ivanchik A.I. *Kimmeriitsy. Bol'shaiā Rossiiskaiā entsiklopediia*. T. 13. Moscow, 2009, p. 684.
- Kagarov E.G. *Kul't fetishei, rastenii i zhivotnykh v Drevnei Gretsii*. Moscow, Librokom Publ., 2012, 336 p.
- Kalashnik IŮ.P. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ėrmitazha: Pamiātniki antichnogo iūvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ia*. St. Petersburg, ĖrmitazhPubl., 2014, 280 p., ill.
- Klyosov A.A. *Gaplogruppa R1b. CHast' 2. Gaplogruppa R1b po stranam i regionam. Vestnik Rossiiskoi Akademii DNK-genealogii*. 2010, vol. 3, Nr. 3, pp. 406–475.
- Klyosov A.A. *Migratsii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ikh vidit DNK-geneologiiā, arkheologiiā i lingvistika. CHast' 2. Vestnik Akademii DNK-genealogii*. 2016, vol. 9, Nr. 2, pp. 187–240.
- Kolotukhin V. A. *Gornyi Krym v epokhu pozdnei bronzy – nachale zhelezhnogo veka*. Kiev, IŮzhnogradskie vedomosti Publ., 1996, 160 p.
- Koltukhov S.G., Senatorov S.N. *Skifskie pogrebeniia v kurganakh IŮgo-Zapadnogo Kryma. Maiko V.V. (Ed.). Istoriia i arkheologiiā Kryma*. Vyp. II. Simferopol', 2015, pp. 79–101.
- Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., ZHukovskii M.O. *Kurgan Boiūr-Gora (predvaritel'naiā publikatsiia). Zavoikin A.A. (Ed.). Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniĭ*. Vol 4. Vyp. 2. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2016, pp. 279–324.
- Lazarenko V.G. *Kul't Akhilla kak otrazhenie protsessov formirovaniia indoevropeiskoi obshchnosti v Severnom Prichernomor'e. Kokoshko V. I. (Ed.). Materiali III Mizhnarodnoi naukovopraktichnoi konferentsii «Arkasivski chitanniā» (26–27 kvitniā 2013 r.)*. Mikolaiv, MNU im. V. O. Sukhomlinskogo, 2013, pp. 61–64.
- Lazarenko V.G. *Kul't Akhilla, «Staraiā Skifiia» Gerodota i Bospor. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.). XV Bosporskie chteniia: Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir. Aktual'nye problemy khronologii*. Kerch', Kerchenskaiā gorodskaiā tipografiā, 2014, pp. 252–257.
- Lazarenko V.G. *Obraz Zmeiā i arkhaiskoi kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e. Egorov A.B. (Ed.). Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii*. Vyp. VII. St.Petersburg, 2015a, pp. 30–54.
- Lazarenko V.G. *Semantika izobrazhenii zmei i sledov chelovecheskikh stop v Severnom Prichernomor'e epokhi bronzy. Materiali Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii «Problemi vivchenniā ta okhoroni pam'iatok pervisnogo mistetstva pivdniā Evropi (kam'ianii vik – epokha bronzy)»*, Ministerstvo kul'turi Ukraĭni, Natsional'ni istoriko-arkheologichni zapovidnik «Kam'iana Mogila», Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2015b, pp. 59–70.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

- Lazarenko V.G. K diskussii o proiskhozhdenii arkhaiskogo kul'ta Akhilla v Severnom Prichernomor'e. *Trigub O. (Ed.). Eminak. Naukoviï shchokvartal'nik*. Nr. 1 (13), vol. 2, Kiiiv, Mikolaiv, 2016a, pp. 7–20.
- Lazarenko V.G. Kul't zmeï v Severnom Prichernomor'e IV–I tysiãcheletii do n.ë. *Mikhaïlov I.A.B. (Ed.). Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam 'iãna Mogila»*. Vip. I. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2016b, pp. 37–48.
- Lazarenko V.G. Otrazhenie kul'ta Akhilla v numizmaticheskikh pamiãtnikakh. *Trigub O. (Ed.). Eminak. Naukoviï shchokvartal'nik*. Nr. 3 (15), vol. 4. Kiiiv; Mikolaiv, 2016v, pp. 20–24.
- Lazarenko V.G. Ranniï period arkhaiskogo kul'ta Akhilla v Severnom Prichernomor'e. *Egorov A.B. (Ed.). Novyiï Germes. Vestnik antichnoiï istorii, arkheologii i klassicheskoiï filologii*. Vyp. VIII. St.Petersburg, 2016g., pp. 13–60.
- Lazarenko V.G. Akhill v Severnom Prichernomor'e i ego sviãz' s kimmeriïtsami, skifami i mirmidontsami. Mif ili istoricheskaiã real'nost'? *Trigub O. (Ed.). Eminak. Naukoviï shchokvartal'nik*. Nr. 3 (19), vol. 3. Kiiiv, Mikolaiv, 2017a, pp. 5–22.
- Lazarenko V.G. Kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e i Frakiïskii vsadnik. *Shaub I.I.U. (Ed.). Novyiï Germes. Vestnik antichnoiï istorii, arkheologii i klassicheskoiï filologii*. Vyp. IX. St. Petersburg, 2017b, pp. 97–152.
- Lazarenko V.G. «Sofievskii zmeï» – unikal'nyi pamiãtnik Severnogo Prichernomor'ia. *Mikhaïlov I.A.B. (Ed.). Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam 'iãna Mogila»*. Vip. II. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2017v, pp. 53–61.
- Lazarenko V.G. *Akhill – bog Severnogo Prichernomor'ia*. Izhevsk, SHElest, 2018a, 416 p.
- Lazarenko V.G. Kul't Akhilla na Bospore i fenomen mirmidoniãn // *Bosporskiï fenomen: Obshchee i osobnoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira*. CHast' I. St. Petersburg, 2018b, pp. 318–324.
- Lazarenko V.G. Kul't zmeï i rannie indoevropeskie migratsii. *Mikhaïlov I.A.B. (Ed.). Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam 'iãna Mogila»*. Vip. III. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2018v., pp. 115–128.
- Lazarenko V.G. Fenomen Akhillova Droma. *Bosporskie issledovaniã*. Vyp. XXXVII. Kerch', Simferopol', Krymskii federal'nyi universitet im. V.I. Vernadskogo, 2018g, pp. 28–55.
- Latyshev V.V. *Izvestiã drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze*. T. I. Grecheskie pisateli. St. Petersburg, Tipografiã Imperatorskoiï akademii nauk, 1890, viii + 946 p.
- Latyshev V.V. Èpigraficheskie novosti iz iũzhnoi Rossii (nakhodki 1901–1903 godov). *Izvestiã Imperatorskoiï arkheologicheskoiï komissii*. 1904, vyp. 10, St. Petersburg, pp. 1–91.
- Latyshev V.V. *Izvestiã drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze*. T. II. Latinskie pisateli. Vyp. 2. St. Petersburg, Tipografiã Imperatorskoiï akademii nauk, 1906, pp. 274–454.
- Leskov A. M. *Gornyiï Krym v I tysiãcheletii do nashei èry*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1965. 198 p.
- Leskov A.M. Bogatooe skifskoe pogrebenie iz Vostochnogo Kryma. *Sovetskaiã arkheologiiã*, 1968, Nr. 1, pp. 158–165.
- Lysenko A.V., Masiãkin V.V., Mordvintseva V.I. Mogila № 1 nekropoliã rimskogo vremeni Luchistoe-2 (Iũzhnyi Krym). *Maïko V.V. (Ed.). Istoriiã i arkheologiiã Kryma*. Vyp. II. Simferopol', 2015, pp. 295–333.
- Maksimova M.I. *Artiũkhovskii kurgan*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1979, 152 p., ill.
- Marchenko K.K. Lepnaiã keramika. Kryzhitskii S.D. (Ed.). *Kul'tura naseleniã Ol'vii i ee okrugii v arkhaiskoe vremiã*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 104–116.
- Maslennikov A.A. *K istorii sel'skogo naseleniã Evropeïskogo Bospora v VI–I vv. do n.ë*. Moscow, Institut arkheologii RAN, 1995, 124 p.
- Machinskiï D.A., Musbakhova V.T. Ostrov Kirki i izobrazheniã na kelermesskom ritone, preddver'e Aida i drevneiã grecheskaiã raspisnaiã keramika v Severnom Prichernomor'e (po «Odisee» i arkheologicheskimi materialami). *Bosporskiï fenomen: Iskusstvo na periferii antichnogo mira*. St.Petersburg, 2009, pp. 319–355.
- Otreshko V.M. Graffiti, naiãennye na poselenii Bol'shaiã Chernomorka II v 1973 g. *Bondar' N.N. (Ed.). Nekotorye voprosy arkheologii Ukrainy*. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1977, pp. 40–44.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Petrenko V.G. *Ukrasheniia Skifii VII–III vv. do n.é.* Moscow, Nauka Publ, 1978. 145 s., tabl.
- Popova E.A., Egorova T.V. Issledovaniia Krymskoï arkheologicheskoi ékspeditсии MGU na gorodishche «CHAika» bliz Evpatorii i na nekropole u pos. Zaozernoe v 2007 g. *Arkheologichni doslidzhenniâ v Ukraïni 2008 r.* KiiV, Volins'ki starozhïtnosti Publ., 2009, pp. 276–278.
- Portšig V. *Chlenenie indoevropskoï iazykovoï oblasti.* Izd-e 2-e. Moscow, Editorial URSS, 2003, 332 p.
- Puzdrovskii A.E. *Krymskaiâ Skifiia II v. do n.é. – III v. n.é. Pogrebal'nye pamiâtniki.* Simferopol', Biznes- Inform Publ., 2007, 480 p., ill.
- Puzdrovskii A. E. Graffiti na krasnolakovoï posude iz mogil'nikov Krymskoï Skifii. *Bosporskiï fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty.* St. Petersburg, 2011, pp. 373–381.
- Puzdrovskii A.E., Trufanov A.A. Dva sklepa v tšentral'noi chasti Ust'-Al'minskogo nekropoliâ. *Maïko V.V. (Ed.). Istoriiâ i arkheologiiâ Kryma.* Vyp. II, Simferopol', 2015, pp. 200–269.
- Puzdrovskii A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropoliâ v 2008–2014 gg.* Simferopol', IP Brovko, 2016, 308 p., ill.
- Rostovtšev M.I. *Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiâtnikov literaturnykh i arkheologicheskikh.* Leningrad, Leningradskii Gublit, 1925, 624 p.
- Rusiâeva A.S. Kul'tovi predmeti iz poseleñniâ Beikush poblizu o-va Berezan'. *Arkheologiiâ.* 1971. Nr. 2, pp. 22–29.
- Saprykin S.IU. Pamiâtniki «maloï» épigrafiki iz Severo-Zapadnogo Kryma antichnoi épokhi. *Kutaïsov V.A., Smekalova T.N. (Eds.). Istoriiâ i arkheologiiâ Severo-Zapadnogo Kryma.* Simferopol', CHP «Predpriiâtie Feniks», 2014, pp. 7–31.
- Saprykin S.IU., Vnukov S.IU. Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyï Krym). *Vestnik drevnei istorii,* 2015, Nr. 2, pp. 98–119.
- Senatorov S.N. Keramika kizil-kobinskoï kul'tury vtoroi poloviny VI – pervoi poloviny IV vv. do n.é. *Bosporskiï fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty.* St. Petersburg, 2011, pp. 354–362.
- Smekalova T.N. Xersonesskaiâ kolonizatsiia i mestnoe naselenie Severo-Zapadnogo Kryma v antichnui épokhu. *Aktual'nye problemy mezhdistšiplinarnykh issledovaniï v izuchenii istorii, kul'tury i ekonomiki Kryma.* Materialy Vserossiïskoï nauchno-prakticheskoi konferentsii (14-15 dekabriâ 2017 goda). Simferopol', Arial Publ., 2017, pp. 258–264.
- Smekalova T.N., Kutaïsov V.A. Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. *Smekalova T.N. (Ed.). Pozdñii bronzovyï vek. Ranniï zheleznyï vek. Antichnost'.* St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2017, 448 p., ill.
- Solomonik É.I. *Graffiti s khory Xersonesa.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.
- Tel'nov N., Sinika V. Frakiïskie vliianiia na material'niui kul'turu i pogrebal'nyï obriâd skifov III–II vv. do n.é. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. *Revista Arheologicã.* Serie nouã. 2012, vol. VIII, Nr. 1-2. Pp. 69–83.
- Tereshchenko A. E., SHaub I. IU. Osobnosti tipologii pantikapeïskoï chekanki. *Bosporskiï fenomen: Obshchee i osobnoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira.* CHast' I. St. Petersburg, 2018a, pp. 139–145.
- Tereshchenko A. E., SHaub I. IU. O semantike obraza murav'ia na monetakh Pantikapeiâ. *Egorov A.B. (Ed.). Novyi Germes.* Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii. Vip. X. St. Petersburg, 2018b, pp. 146–160.
- Tolstoi I.I. *Ostrov Belyi i Tavrika na Evksinskom Ponte.* Petrograd, 2-iâ Gos. tipografiâ, 1918, 164 p.
- Tolstoi I.I. *Grecheskie graffiti drevnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia.* Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953. 154 p.
- Tokhtas'ev S.R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ia. XXI. TRAKANA. *Vestnik drevnei istorii,* 2013, Nr. 1. pp. 193–196.
- Troitškaiâ T.N. Skifskie kollektivnye pogrebeniia v kurganakh Kryma. *Istoriiâ i arkheologiiâ Kryma.* Vyp. II, V.V. Maïko (Ed.). Simferopol', 2015, pp. 54–65.
- Trubachev O.N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e.* Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.
- Xommel' X. Akhill-bog. *Vestnik drevnei istorii,* 1981, Nr. 1, pp. 53–76.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла...

- Xrapunov I.N., Mul'd S.A. Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v sviāzi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoi kul'tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2004, vyp. 14, Magnitogorsk, Magnitogorskii gos. tekhn. Universitet Publ., pp. 239–269.
- SHaposhnikov A.K. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. *Voprosy iāzykoznaviā*. 2005, Nr. 5. pp. 30–67.
- SHaub I.И. Akhill na Bospore. *Bosporskii fenomen: Pogrebal'nye pamiāniki i sviātilishcha*. CHast' 1. St.Petersburg, 2002, pp. 186–189.
- SHaub I. И. Varvarskie ēlementy v kul'te Apollona na Bospore. *Klio*. 1998, Nr. 1 (4), pp. 67–74.
- SHaub I. И. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII-IV vv. do n.ē.)*. St. Petersburg, St.-Peterburgskii universitet Publ., 2007, 484 p.
- SHaub I.И. O greko-varvarskikh kontaktakh v religioznoi sfere v Severnom Prichernomor'e (VII – nachalo III v. do n. ē.). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriiā 2. Istoriā. Vyp. 1. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2008, pp. 113–120.
- SHaub I.И. *Ēllinskie traditsii i varvarskie vliiāniā v religioznoi zhizni grecheskikh kolonii Severnogo Prichernomor'iā (VI-IV vv. do n.ē.)*. Saarbrücken; Lambert Academic Publ, 2011, 475 p.
- IĀilenko V.P. Graffiti Levki, Berezani i Ol'vii. *Vestnik drevnei istorii*, 1980, Nr. 2, pp. 72–99.
- IĀilenko V.P. Indoarii – kimmeriitsy – tavry: Severnoe Prichernomor'e VIII–VII vv. do n.ē. v mifologicheskoi traditsii i onomastike. *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora*. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2011, vol. 15, pp. 410–453.
- IĀilenko V.P. Indoarii – kimmeriitsy – tavry: Severnoe Prichernomor'e VIII–VII vv. do n.ē. v mifologicheskoi traditsii i onomastike (prodolzhenie). *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora*. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2012, vol. 16, pp. 548–590.
- IĀilenko V.P. *Ocherki ētnicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi istorii Skifii VIII–V vv. do n.ē.* Moscow, Onebook.ru, 2013a, 348 p.
- IĀilenko V. P. Skifskii Akhill v Severnom Prichernomor'e VIII–V vv. do n. ē. i ego indoariiiskie istoki. *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora*. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2013b, vol. 17, pp. 377–406.
- IĀilenko V.P. *Istoriā i ēpigrafika Ol'vii, Xersonesa i Bospora VII v. do n.ē. – VII v. n.ē.* St. Petersburg, Nestor-Istoriā Publ., 2017, 1024 p.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, 522, pp. 167–172.
- Bravo B. Un letter sur plomb de Berezan': colonisation et modes de contact dans le Pont. *Dialoges d'histoire ancienne*. V. I. Paris, l'Institut des Sciences Techniques de l'Antiquité de l'Université de Franche-Comté, 1974, pp. 111–187.
- Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2008, 105, pp. 18226–18231.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 2015, 522, pp. 207–211.
- Hupe J. Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kultes. *Joachim Hupe (Hrsg.). Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit*. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Rahden, Westf., Leidorf, 2006, S. 235-241 (Internationale Archäologie. Bd. 94).
- Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati, American book company, 1901, 1776p.
- Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*, 2015, 528, pp. 499–503.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. *Scythian art*. Leningrad, Aurora Art Publ., 1986, 184 p.

Резюме

Особенности культа Ахилла в Крыму и на Кубани античного периода исследованы ещё недостаточно. В статье показано, что культ змей в Северном Причерноморье того времени был достаточно выражен от Фракии до современной Кубани. Более четко он прослеживается в варварской среде – у тавров, скифов и сарматов. Местное идеологическое влияние на греческое население проявилось в особенностях культа Ахилла в Северном Причерноморье. Особенно ярко эти особенности выражены в античном Крыму и на Кубани. В данном регионе культ Ахилла имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье. Это подчеркивает его местные древнейшие корни, которые обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа. Такая особенность позволила культу Ахилла в Крыму и на Кубани сохранить свои исконные особенности в течение пяти веков – до I–II вв. н.э.

Ключевые слова: Ахилл, культ, змеи, индоевропейская общность, Крым, Кубань, Северное Причерноморье.

Summary

Special aspects of the Achilles cult in the Crimea and the Kuban of the ancient period have not been studied enough. The article shows that the cult of snakes in the Northern Black Sea region of that time was quite presented from Thrace to the modern Kuban. More clearly it can be seen in the barbaric environment – the Taurus, Scythians, and Sarmatians. The local ideological influence on the Greek population was manifested in the special aspects of the Achilles cult in the Northern black sea region. Especially these features are shown in the ancient Crimea and Kuban. In this region, the cult of Achilles had even closer ties with snakes than in the Lower South Bug and the Lower Dnieperregion. This emphasizes its local ancient roots which caused character of the cult hidden from the uninitiated. This feature allowed the cult of Achilles in the Crimea and the Kuban to maintain its original features for five centuries – until I-II centuries ad.

Keywords: Achilles, cult, snakes, Indo-European community, Crimea, Kuban, Northern Black Sea region.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова».

426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

Заведующий кафедрой.

lazvgr@yandex.ru.

+7 - 912-853-0667.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor.

Federal state-financed educational institution of higher education “Izhevsk’ state technical University named after M. T. Kalashnikov”.

426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.

Head of department.

lazvgr@yandex.ru.

+ 7 - 912-853-0667.